

К Е Н

ФОЛЛЕТТ

НА КРЫЛЬЯХ ОРЛА

Ф.О.Л.Л.Е.Т.Т.

Кен Фоллетт

На крыльях орла

«АСТ»

1983

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44

Фоллетт К.

На крыльях орла / К. Фоллетт — «АСТ»,
1983 — (Ф.О.Л.Л.Е.Т.Т.)

ISBN 978-5-17-082996-5

Роман Кена Фоллетта «На крыльях орла» написан на документальной основе, и это делает его более увлекательным, чем самый изощренный вымысел ведущих мастеров «шпионского» жанра. Тегеран. Канун исламской революции. Ненависть к «неверным» иностранцам нарастает с каждой минутой, и вот уже двух сотрудников американской корпорации, Пола Чьяппароне и Билла Гейлорда, безо всякого на то основания арестовывают и отправляют в тегеранскую тюрьму. Попытки освободить американцев дипломатическим путем не дают никаких результатов. И тогда глава корпорации принимает отчаянное решение – выкрасть Чьяппароне и Гейлорда из тюрьмы и тайно вывезти их из Ирана при помощи многоопытного «пса войны» полковника Саймонса. Игра со смертью начинается...

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-082996-5

© Фоллетт К., 1983
© АСТ, 1983

Содержание

Действующие лица	6
Даллас	6
Тегеран	7
Стамбул	8
Вашингтон	9
Признательность	10
Предисловие	11
Глава первая	12
I	12
II	21
Глава вторая	36
I	36
II	47
III	52
IV	56
Глава третья	59
I	59
II	63
III	73
Глава четвертая	76
I	76
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Кен Фоллетт

На крыльях орла

«Я носил вас [как бы] на орлиных крыльях и принес вас к Себе».
«Исход» 19.4

Ken Follett
ON WINGS OF EAGLES

© Ken Follett, 1983
© Перевод. Н. Н. Сотникова, 2016
© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

Кен Фоллетт – знаменитый британский писатель, автор 17 международных бестселлеров. Лауреат премии Эдгара По. Общий тираж книг Фоллетта – 130 миллионов экземпляров. Его романы переведены на все ведущие языки мира и изданы в 27 странах. Популярность Кена Фоллетта во всем мире сравнима, пожалуй, лишь с поразительным успехом Джона Гришэма.

Действующие лица

Даллас

Росс Перо, председатель совета директоров «Электроник дейта системз корпорейшн», Даллас, Техас.

Мерв Стоффер, правая рука Перо.

Т. Дж. Маркес, вице-президент «ЭДС».

Том Уолтер, финансовый директор «ЭДС».

Митч Харт, бывший президент «ЭДС» с хорошими связями в Демократической партии.

Том Люс, основатель далласской юридической фирмы «Хьюгс энд Хилл».

Билл Гейден, президент «ЭДС Уорлд», дочерней компании «ЭДС».

Морт Мейерсон, вице-президент «ЭДС».

Тегеран

Пол Чьяппароне, управляющий по региону «ЭДС корпорейшн Иран»; Рути Чьяппароне, его жена.

Билл Гейлорд, заместитель Пола; Эмили Гейлорд, жена Билла.

Ллойд Бриггс, особа № 3 после Пола и Билла.

Рич Галлахер, помощник Пола по административной работе; Кэйти Галлахер, жена Рича; Баффи, пудель Кэйти.

Пол Буча, ранее – управляющий по региону «ЭДС корпорейшн Иран», в последнее время обосновавшийся в Париже.

Боб Янг, управляющий по региону «ЭДС корпорейшн» в Кувейте.

Джон Хауэлл, адвокат фирмы «Хьюгс энд Хилл».

Кин Тейлор, управляющий проектом «Банк Омран».

Команда

Кол Артур Д. «Бык» Саймонс, командир.

Джей Кобёрн, заместитель командира.

Рон Дэвис, наводящий.

Ралф Булвэр, стрелок.

Джо Поше, водитель.

Гленн Джэксон, водитель.

Пэт Скалли, обеспечение флангов.

Джим Швибах, обеспечение флангов и взрывчатых веществ.

Иранцы

Абулхасан, заместитель Ллойда Бриггса и самый старший иранский служащий.

Маджид, помощник Джея Кобёрна; Фара, дочь Маджида.

Рашид, Сайед и Мотоциклист: инженеры по системам обучения.

Гулам, служащий по персоналу/закупкам в подчинении Джея Кобёрна.

Хусейн Дадгар, проверяющее должностное лицо.

В посольстве США

Уильям Салливен, посол.

Чарльз Наас, посланник-советник, заместитель Салливена.

Лу Гёлц, генеральный консул.

Боб Соренсен, служащий посольства.

Али Джордан, иранский служащий посольства.

Барри Розен, пресс-атташе.

Стамбул

Господин Фиш, находчивый агент туристической фирмы.
Илсман, служащий МИТ, турецкой разведывательной службы.
Чарли Браун, переводчик.

Вашингтон

Збигнев Бжезинский, советник по национальной безопасности.

Сайрус Вэнс, государственный секретарь.

Дэвид Ньюсам, заместитель секретаря в Государственном департаменте.

Генри Пречт, глава иранского отделения в Государственном департаменте.

Марк Гинзберг, Белый дом, чиновник по связи с Государственным департаментом.

Адмирал Том Мурер, бывший председатель Объединенного комитета начальников штабов.

Признательность

Многие люди оказали мне помощь, бесчисленные часы беседуя со мной, отвечая на мои письма, читая и внося поправки в черновые варианты этой книги. За терпение, искренность и готовность к сотрудничеству я в особенности благодарен нижеследующим:

Полу и Рути Чьяппароне, Биллу и Эмили Гейлорд;

Джею и Лиз Кобёрн, Джо Поше, Пэту и Мэри Скалли, Ралфу и Мэри Булвэр, Джиму Швибаху, Рону Дэвису, Гленну Джексону;

Биллу Гейдену, Кину Тейлору, Ричу и Кэйти Галлахер, Полу Буча, Ллойд Бриггсу, Бобу Янгу, Джону Хауэллу, «Рашиду», Тони Дворанчику, Кэйти Маркетос;

Т. Дж. Маркесу, Тому Уолтеру, Тому Люсу;

Мерву Стофферу, для которого ничто не представляет собой чрезмерных затруднений;

Марго Перо, Бетт Перо;

Джону Карлену, Аните Мелтон;

Генри Киссинджеру, Збигневу Бжезинскому, Рамсею Кларку, Бобу Страусу, Уильяму Салливену, Чарльзу Наасу, Лу Гёлцу, Генри Пречту, Джону Стемпелю;

доктору Манушеру Размара;

Стэнли Саймонсу, Брюсу Саймонсу, Гарри Саймонсу;

подполковнику Чарльзу Крону в Пентагоне; майору Дику Медоуз, генерал-майору Роберту Маккинону;

доктору Уолтеру Стюарту, доктору Гарольду Киммерлингу.

Как обычно, мне помогали два неутомимых исследователя: Дэн Старер в Нью-Йорке и Карен Мейер в Лондоне.

Мне также оказывал содействие замечательный персонал службы связи головного офиса «ЭДС» в Далласе.

Более чем сотню часов интервью, записанных на магнитофон, обеспечили в основном Сэлли Уолтер, Клэр Вудворд, Линда Хафф, Черил Хиббитс и Беки ДеЛуна.

Наконец, я благодарю Росса Перо, без чьей удивительной энергии и целеустремленности не воплотилась бы в реальность не только эта книга, но и то предприятие, которое лежит в основе ее сюжета.

Предисловие

Это – правдивая история о группе людей, обвиненных в преступлениях, которых они не совершали, и решивших самостоятельно отстаивать свою правоту.

Когда эта авантюра увенчалась успехом, состоялся судебный процесс, и с них были сняты все обвинения. Это судебное дело не является частью моего повествования, но, поскольку оно установило их невиновность, я включил некоторые детали констатирующей части судебного вердикта и вынесенного решения суда в качестве приложения к этой книге.

Повествуя об этой истории, я позволил себе две небольшие вольности по отношению к истине.

Несколько человек фигурируют под псевдонимами или кличками, как правило, с целью защитить их от мести правительства Ирана. Вымышленными именами являются: Маджид, Фара, Абулхасан, господин Фиш, Прохиндей, Рашид, Мотоциклист, Мехди, Малек, Гулам, Сайед и Чарли Браун. Все прочие имена являются настоящими.

Во-вторых, припоминая разговоры, имевшие место три или четыре года назад, люди редко воспроизводят слова, в действительности использованные в то время; более того, реальные разговоры с их жестами, паузами и незаконченными предложениями, будучи записанными на бумаге, зачастую оказываются полностью лишенными смысла. Так что диалоги в этой книге были и переделаны, и отредактированы. Однако каждый переиначенный разговор был показан по меньшей мере одному из участников для поправки или одобрения.

С учетом этих двух уточнений, я полагаю, что каждое слово из последующего ниже повествования является доподлинно истинным. Это не «беллетризация» или «небеллетризованная история». Я ничего не выдумал. То, о чем вы собираетесь прочитать, произошло в действительности.

Глава первая

I

Все это началось 5 декабря 1978 года.

Джей Кобёрн, директор по персоналу «ЭДС корпорейшн Иран», сидел в своем офисе на окраине Тегерана, и голова у него пухла от забот.

Офис этот располагался в четырехэтажном бетонном здании, известном под названием «Бухарест» (поскольку оно находилось в переулке, ответвлявшемся от Бухарестской улицы). Кобёрн обретался на втором этаже в кабинете, который по американским стандартам считался большим. На паркетном полу стоял элегантный рабочий стол, а на стене висел портрет шаха. Директор сидел спиной к окну и через стеклянную дверь мог надзирать за просторным помещением без перегородок, где его персонал трудился за пишущими машинками и телефонами. На стеклянной двери висели жалюзи, но Кобёрн никогда не задерживал их.

Стоял ужасный холод. Холодно было постоянно: тысячи иранцев бастовали, тепловая энергия подавалась в город с перерывами, и в большинстве дней отопление отключалось на несколько часов.

Кобёрн, высокий широкоплечий мужчина, обладал ростом пять футов одиннадцать дюймов и весом двести фунтов. Его рыжевато-каштановые волосы были по-деловому коротко подстрижены, тщательно причесаны и разделены пробором. В возрасте тридцати двух лет он выглядел на сорок. Однако молодость проглядывала в привлекательном открытом лице и готовности одарить собеседника улыбкой, хотя ему был присущ налет преждевременной зрелости человека, который слишком быстро возмужал.

Всю жизнь Кобёрн нес на плечах груз ответственности: еще мальчиком, работая в цветочном магазине отца; в возрасте двадцати лет – в качестве пилота вертолета во Вьетнаме; далее – в роли молодого мужа и отца; а ныне – на посту директора по персоналу, державшего в своих руках бразды руководства безопасностью 131 американского сотрудника и 220 членов их семей в городе, где на улицах царил разгул насилия толпы.

Сегодня, как и в любой другой день, Кобёрн звонил по всему Тегерану, пытаясь узнать, где возникли столкновения, где они вспыхнут в следующий раз и каковы перспективы на ближайшие несколько дней.

По меньшей мере раз в день он связывался с посольством США. В посольстве был оборудован информационный пункт, действовавший круглые сутки. Американцы звонили из различных районов города, сообщая о демонстрациях и беспорядках, а посольство распространяло извещения, что тот или иной район города следует избегать. Но Кобёрн считал, что ожидать заблаговременной информации и совета от посольства было почти бесполезно. На еженедельных брифингах, которые он прилежно посещал, ему всегда внушали, что американцы должны как можно больше оставаться в помещении и любыми способами держаться подальше от скоплений людей, но общее положение таково, что шах держит ситуацию под контролем и в данный момент эвакуация не рекомендуется. Кобёрну была понятна проблема сотрудников дипломатической миссии, – если посольство США заявит, что власть шаха пошатнулась, шах несомненно падет, – но они проявляли такую осторожность, что вообще почти не выдавали никакой информации.

Разочарованное посольством, американское деловое сообщество в Тегеране организовало свою собственную информационную сеть. Самой большой корпорацией США в городе была «Белл хеликоптер», чьей работой в Иране управлял отставной генерал-майор Роберт Н. Макиннон. Он имел первоклассную разведывательную службу и делился всеми добытыми

сведениями. Кобёрн также водил знакомство с парой офицеров-разведчиков в среде военных США и поддерживал связь с ними.

Сегодня в городе было относительно спокойно: крупные демонстрации не состоялись. Последняя вспышка серьезных беспорядков произошла три дня назад, 2 декабря, в первый день всеобщей забастовки, когда, по сообщениям, в уличных столкновениях погибли семьсот человек. Согласно источникам Кобёрна, можно было ожидать, что затишье продлится до 10 декабря – священного для мусульман дня Ашура.

Священный день Ашура вызывал тревогу у Кобёрна. Зимний мусульманский праздник совершенно не походил на Рождество. Будучи днем поста и траура по поводу смерти внука Пророка, Хусейна, в качестве духовного настроя он призывал к покаянию. Состоятся массовые уличные процессии, в ходе которых наиболее истовые верующие будут предаваться самоубийству. В подобной атмосфере возможно быстрое возникновение вспышек истерии и насилия.

Кобёрн опасался, что в этом году такое насилие может быть направлено против американцев.

Вереница скверных инцидентов убедила его, что антиамериканские настроения быстро усиливались. Под его дверь просунули карточку с надписью: «Если вам дороги ваша жизнь и имущество, убирайтесь из Ирана». Его друзья получили подобные же почтовые открытки. На стене его дома появилась надпись, нанесенная распылителем: «Здесь живут американцы». Автобус, который возил его детей в американскую школу Тегерана, раскачала толпа демонстрантов. На других сотрудников «ЭДС» орали на улицах, а их автомобили пострадали от повреждений. В один жуткий день после обеда, в Министерстве здравоохранения и социального обеспечения – самом крупном клиенте «ЭДС», – служащие-иранцы будто сорвались с цепи, принявшись бить окна и жечь портреты шаха, в то время как сотрудники «ЭДС» в этом здании забаррикадировались внутри помещения, пока толпа не разошлась.

Некоторым образом наиболее зловещим признаком стало изменение отношения к Кобёрну его квартирного хозяина.

Подобно большинству американцев в Тегеране, Кобёрн снимал половину дома на две семьи: он и его жена жили на втором этаже, а семья хозяина квартиры – на первом. Когда Кобёрны прибыли в марте прошлого года, хозяин жилья взял их под свою опеку. Обе семьи сдружились. Кобёрн и хозяин обсуждали религию: владелец дома снабдил своего квартиросъемщика Кораном в английском переводе, а его дочь читала отцу Библию Кобёрна. По уик-эндам они все вместе выезжали на лоно природы. Скотт, семилетний сын Кобёрна, играл на улице в футбол с сыновьями хозяина. В какой-то уик-энд Кобёрнам оказали честь, пригласив их на мусульманскую свадьбу. Это было захватывающее событие. Весь день мужчины и женщины были отделены друг от друга, так что Кобёрн и Скотт пошли с мужчинами, а его жена Лиз и три дочери – с женщинами, при этом Кобёрну так и не довелось лицезреть невесту.

После лета все стало постепенно меняться. Поездки по уик-эндам прекратились. Сыновьям хозяина запретили играть со Скоттом на улице. В конце концов все контакты между двумя семьями прервались даже в пределах дома и двора, а дети получали нагоняй просто за то, что заговорили с кем-нибудь из семьи Кобёрна.

Ненависть хозяина к американцам вспыхнула отнюдь не внезапно. Как-то вечером он доказал, что все еще заботится о Кобёрнах. На улице произошел инцидент со стрельбой: один из его сыновей осмелился высунуть нос из дому после комендантского часа, и солдаты открыли стрельбу по мальчику, когда тот бежал домой и перелезал через стену, окружающую двор. Кобёрн и Лиз наблюдали за всем этим со своей веранды, расположенной наверху, и Лиз до смерти перепугалась. Хозяин подошел к ним, дабы сообщить о случившемся и уверить, что все обошлось хорошо. Но мужчина явно чувствовал, что ради безопасности своей семьи ему не следует *проявлять на людях* дружелюбие по отношению к американцам: он ощущал, в какую сторону ветер дует. Для семьи Кобёрнов это стало еще одним дурным знаком.

Теперь до Кобёрна дошли слухи, что в мечетях и на базаре велись дикие разговоры о священной войне против американцев, которая должна была начаться на Аштуру. Это случилось пять дней назад, однако же американцы в Тегеране вели себя на удивление спокойно.

Кобёрн вспомнил то время, когда был введен комендантский час: это мероприятие даже не помешало ежемесячной игре в покер сотрудников «ЭДС». Он и его партнеры просто приводили с собой своих жен и детей, превращая игру в вечеринку с ночевкой и оставаясь до утра. Они привыкли к звукам стрельбы. Большинство крупных столкновений происходило в более старом, южном районе, где располагался базар, и в зоне вокруг университета; но время от времени выстрелы раздавались везде. После нескольких первых случаев у американцев развилось странное равнодушие к ним. Кто бы ни говорил, делал паузу, затем возобновлял речь, когда стрельба прекращалась, точно так же, как это могло бы иметь место в Штатах, когда над головой пролетал реактивный самолет. Все выглядело таким образом, как будто они и мысли не допускали, что выстрелы могли быть нацелены *на них самих*.

Кобёрн *не* был совершенно равнодушен к стрельбе. Ему довелось часто попадать под огонь в молодости. Во Вьетнаме он служил пилотом как тяжело вооруженного вертолета при поддержке наземных операций, так и летательных аппаратов, транспортировавших вооруженные подразделения или боевое снаряжение, приземлявшихся и взлетающих на поле боя. Кобёрн убивал людей и видел, как люди умирают. В те дни в армии награждали «Авиационной медалью» за каждые двадцать четыре часа боевых вылетов: Кобёрн вернулся домой с тридцатью девятью такими медалями. Он также получил два креста «За летные боевые заслуги», две «Серебряные звезды» и пулю в ляжку – самую уязвимую часть тела пилота вертолета. В течение того года молодой пилот узнал, что может довольно хорошо владеть собой в бою, когда дел было по горло и не оставалось времени на испуг. Но каждый раз, возвращаясь с задания, когда все было кончено и он мог обдумать то, что сделал, колени у него начинали трястись.

Странное дело, но Кобёрн был благодарен судьбе за этот опыт. Он быстро возмужал, и это обеспечивало ему преимущество перед своими ровесниками в деловой жизни. Это также внушило ему здоровое уважение к звукам артиллерийского огня.

Но ни большинство его коллег, ни их супруги не испытывали подобных чувств. Когда обсуждалась эвакуация, все выступали против. Они вложили время, труд и гордость в подразделение «ЭДС корпорейшн Иран» и не желали расставаться с ним. Их жены превратили съемные квартиры в настоящие семейные гнездышки и строили планы на Рождество. У детей были свои школы, свои друзья, свои велосипеды и домашние животные. Несомненно, они внушали себе, что, если мы все притаимся и будем выжидать, неприятности минуют нас.

Кобёрн попытался убедить Лиз отвезти детей обратно в Штаты – не ради их безопасности, а потому что может настать время, когда ему придется эвакуировать одновременно около 350 человек. В таком случае ему придется посвятить этой задаче полное и безраздельное внимание, не отвлекаясь на личное беспокойство о своей семье. Лиз отказалась уехать.

При мысли о Лиз Кобёрн вздохнул. Лиз была весела, взбалмошна, и всем нравилось ее общество, но она никоим образом не принадлежала к числу жен, принимавших близко к сердцу интересы корпорации. «ЭДС» предъявляла высокие требования к своим сотрудникам: если для выполнения какого-то задания было необходимо работать всю ночь, вы трудились всю ночь. Лиз это огорчало. Находясь в Штатах и занимаясь подбором персонала для компании, Кобёрн зачастую покидал дом с понедельника по пятницу, разъезжая по всей стране, и это вызывало неудовольствие жены. Она была счастлива в Тегеране, потому что муж каждый вечер возвращался домой. Если муж собирается остаться здесь, говорила Лиз, то и у нее те же самые намерения. Они впервые жили за пределами Соединенных Штатов, их приводили в восторг иной язык и культура Ирана. Ким, самая старшая из детей, в свои одиннадцать лет была слишком самоуверенна, чтобы испытывать беспокойство. Восьмилетняя Кристи несколько волновалась, но эта девочка была эмоциональным ребенком, быстрее всех проявляя чрезмер-

ную реакцию. Как семилетний Скотт, так и четырехлетняя Келли, сущий ребенок, были слишком малы, чтобы осознавать опасность.

Так что их семья осталась, как и все прочие, и ждала, что все наладится – или станет хуже.

Мысли Кобёрна прервал стук в дверь, и вошел Маджид. Невысокий, коренастый мужчина примерно пятидесяти лет с пышными усами, он некогда был богат: его род владел обширными землями и потерял их в ходе земельной реформы шестидесятых годов. Теперь Маджид работал у Кобёрна административным помощником, ведя дела с иранской бюрократией. Он бегло говорил по-английски и был в высшей степени находчив. Помощник весьма нравился своему начальнику: когда семья Кобёрна приехала в Иран, он из кожи вон лез, чтобы оказать им помощь.

– Заходите, – пригласил его Кобёрн. – Садитесь. О чем у вас болит голова?

– О Фаре.

Кобёрн понимающе кивнул. Фара была дочерью Маджида и работала вместе с отцом: ее задачей было своевременно обеспечивать американских сотрудников должным образом оформленными визами и разрешениями на работу.

– Какие-то проблемы? – поинтересовался Кобёрн.

– Полиция попросила ее забрать два американских паспорта из личных дел, никому не говоря об этом.

Кобёрн нахмурился:

– Паспорта определенных лиц?

– Пола Чьяппароне и Билла Гейлорда.

Пол был начальником Кобёрна, главой «ЭДС корпорейшн Иран». Билл занимал второе место в руководстве и управлял самым крупным проектом подразделения, контрактом с Министерством здравоохранения.

– Что, черт возьми, происходит? – вырвалось у Кобёрна.

– Фара находится в большой опасности, – заявил Маджид. – От нее потребовали никому не говорить об этом. Она пришла ко мне за советом. Конечно же, я был вынужден известить вас, но боюсь, что ей грозят чрезвычайно серьезные неприятности.

– Подожди-ка минутку, давайте восстановим все по порядку, – промолвил Кобёрн. – Когда это случилось?

– Ей позвонили сегодня утром из департамента полиции, из бюро по выдаче вида на жительство, из американского сектора. Ее попросили прийти к ним в офис. Речь шла о Джеймсе Найфилере. Она сочла это обычным делом. Фара явилась в офис в половине двенадцатого и зашла к заведующему американским сектором. Сначала он потребовал паспорт мистера Найфилера и его вид на жительство. Фара сообщила ему, что мистер Найфилер больше не находится в Иране. Тогда заведующий поинтересовался Полом Буча. Фара сказала, что мистер Буча также больше не проживает в Иране.

– Она действительно так сказала?

– Да.

Буча находился в Иране, но Фара могла и не знать об этом, подумал Кобёрн. Буча проживал здесь, уехал из страны и вернулся на короткое время, а завтра утром ему предстояло вылететь в Париж.

Маджид продолжал:

– Тогда чиновник сказал: «Полагаю, другие двое также уехали?» Фара увидела у него на столе четыре папки с делами и спросила, кто эти другие двое. Он назвал мистера Чьяппароне и мистера Гейлорда. Фара сказала, что как раз сегодня рано утром забрала вид на жительство мистера Гейлорда. Чиновник приказал ей взять паспорта и виды на жительство как мистера Гейлорда, так и мистера Чьяппароне и принести эти документы ему. Она должна была сделать это незаметно, не возбуждая тревоги.

– И что же ответила ваша дочь? – поинтересовался Кобёрн.

– Фара сказала, что не может принести их сегодня. Тогда заведующий приказал ей доставить их завтра утром. Чиновник предупредил, что она официально несет ответственность за это, и позаботился обеспечить свидетелей при изложении этих указаний.

– Какая-то бессмыслица, – пожал плечами Кобёрн.

– Если они узнают, что Фара не повиновалась им...

– Мы подумаем о том, каким образом защитить ее, – пообещал Кобёрн. Он задавался вопросом, обязаны ли американцы сдавать свои паспорта по требованию. Кобёрн недавно поступил таким образом после мелкого дорожно-транспортного происшествия, но позже ему сказали, что он вовсе не был обязан делать это. – Ей не сказали, зачем им требуются паспорта?

– Нет.

Буча и Найфилер были предшественниками Чьяппароне и Гейлорда. Было ли это ключом к разгадке? Кобёрн не знал.

Он поднялся на ноги.

– В первую очередь нам предстоит решить, что скажет Фара полиции завтра утром, – промолвил он. – Я поговорю с Полом Чьяппароне и сообщу вам.

* * *

Пол Чьяппароне сидел в кабинете на первом этаже здания. На паркетном полу стоял рабочий стол, на стене висел портрет шаха, и голова его была полна забот.

Полу исполнилось тридцать девять лет, он был среднего роста и малость полноват, потому что любил хорошо поесть. Со своей смуглой кожей и густыми черными волосами Пол выглядел истинным итальянцем. Его задачей было построить полную современную систему социального страхования в первобытной стране. Достижение этой цели было делом нелегким.

В начале семидесятых годов система социального страхования в Иране существовала лишь в зачаточном состоянии, была неэффективна с точки зрения сбора взносов и настолько легко поддавалась мошенничеству, что один человек мог несколько раз получить страховое пособие за одну и ту же болезнь. Когда шах решил израсходовать несколько миллиардов долларов из своей ежегодной выручки от продажи нефти на создание государства всеобщего благоденствия, этот контракт получила «ЭДС». «ЭДС» вела программы «Медикеэр»¹ и «Медикэйд»² в нескольких штатах США, но в Иране все пришлось начинать с нуля. Сотрудники корпорации были обязаны оформить карточку социального страхования на каждого из тридцати двух миллионов граждан Ирана, организовать отчисления в соответствии с платежными ведомостями, дабы работающие по найму выплачивали свои взносы, и обрабатывать заявки на пособия. Вся эта система должна была управляться компьютерами – такова была сфера деятельности «ЭДС».

Как выяснил Пол, разница между установкой системы обработки данных в Штатах и выполнением той же самой работы в Иране походила на различие между выпечкой кекса из готовой смеси из пакета и старомодным способом с использованием всех исходных составляющих. Зачастую все оказывалось на грани срыва. У иранцев отсутствовал исполнительный подход американских руководящих работников, и они, похоже, чаще создавали проблемы вместо решения оных. В штаб-квартире «ЭДС» в Далласе, штат Техас, от людей не только ожидали выполнения невозможного, но, как правило, это обычно требовалось сделать уже вчера. Здесь же, в Иране, невозможным оказывалось все, во всяком случае, этого следовало ожидать не

¹ Государственная программа страхования здоровья престарелых в США и Канаде.

² Федеральная система медицинской помощи неимущим в США на уровне штатов.

ранее «fardah», – обычно переводимого как «завтра», на практике же «когда-нибудь в будущем».

Пол расправлялся с проблемами единственными известными ему средствами: тяжким трудом и целеустремленностью. Он не принадлежал к числу интеллектуальных гениев. Еще мальчиком Пол находил учебу в школе трудной, но его отец-итальянец, с типичной для иммигранта верой в образование, принуждал его грызть гранит науки, и сын получал хорошие отметки. С тех пор простое упорство сослужило ему хорошую службу. Он помнил первые годы становления «ЭДС» в Штатах, в далекие шестидесятые годы, когда каждый новый контракт мог либо укрепить, либо погубить эту компанию. Пол внес свою лепту в превращение ее в одну из наиболее динамичных и успешных корпораций в мире. Иранская операция должна была следовать по тому же самому пути, он был уверен в этом, в особенности когда программа набора и обучения персонала Джея Кобёрна начала обеспечивать большее число иранцев, способных выступать в роли управляющих высшего звена.

Чьяппароне глубоко ошибался и только теперь начал понимать почему.

Когда он и его семья прибыли в Иран в августе 1977 года, бум нефтедолларов уже закончился. У правительства иссякали деньги. В том году антиинфляционная программа привела к увеличению безработицы как раз тогда, когда плохой урожай погнал еще больше голодающих крестьян в большие города. Тираническое правление шаха было ослаблено политикой по соблюдению прав человека американского президента Джимми Картера. Настало время политических волнений.

Некоторое время Пол не обращал особого внимания на местную политику. Он знал о ропоте недовольства, но ведь это случалось в любой стране мира, а шах, похоже, так же крепко держал в руках бразды правления, как и любой властитель. Подобно остальному миру, Пол упустил значимость событий первой половины 1978 года.

7 января газета «Этелаат» опубликовала оскорбительные нападки на находящегося в изгнании священнослужителя по имени аятолла Хомейни, утверждая, кроме всего прочего, что он является гомосексуалистом. На следующий день за восемьдесят миль от Тегерана в городе Кум – главном центре религиозного образования в стране – выведенные из себя студенты-богословы устроили протестную сидячую забастовку, которая была с кровопролитием разогнана военными и полицией. Конфронтация шла по нарастающей, и за последующие два дня беспорядков были убиты семьдесят человек. Сорок дней спустя согласно мусульманским обычаям священнослужители организовали поминальную процессию. В ходе этой процессии вновь произошли вспышки насилия, и спустя сорок дней памяти уже этих усопших была посвящена другая поминальная процессия... В течение всего первого полугодия эти процессии не прекращались, становились все более многочисленными и более неистовыми.

Мысленно возвращаясь в прошлое, Пол теперь мог видеть, что именование этих маршей «похоронными процессиями» было лишь способом обойти запрет шаха на политические демонстрации. Но в то время он и представления не имел, что создавалось массовое политическое движение. Да и никто другой так не думал.

В августе того года Пол отправился домой в Штаты в отпуск. (Так же поступил посол США в Иране Уильям Салливен.) Полу нравились все виды водного спорта, и он со своим двоюродным братом Джо Поррекой поехал на спортивный рыболовный турнир в Оушн-Сити, штат Нью-Джерси. Его жена Рути и дети, Карен и Энн-Мари, отправились в Чикаго навестить родителей Рути. Пол испытывал легкое беспокойство, поскольку Министерство здравоохранения все еще не оплатило счет «ЭДС» за июнь; но задержка с оплатой имела место не в первый раз, и он оставил проблему под ответственность своего заместителя, Билла Гейлорда, будучи совершенно уверен, что Билл добьется перевода денег.

Пока он был в США, из Ирана пришли плохие новости. 7 сентября было объявлено военное положение, а на следующий день солдаты пролили кровь более сотни человек во время демонстрации на площади Джалех в центре Тегерана.

Когда семья Чьяппароне возвратилась в Иран, даже воздух казался иным. Пол и Рути впервые услышали стрельбу ночью на улицах. Это встревожило их: внезапно супруги осознали, что неприятности для иранцев означают неприятности для них самих. Прошел ряд забастовок. Электричество постоянно отключали, так что им приходилось ужинать при свете свечей, а Пол надевал в офисе теплое пальто, дабы согреться. Становилось все труднее получать деньги в банках, и Чьяппароне организовал на работе службу по обналичиванию чеков для сотрудников. Когда у них стал подходить к концу запас жидкого топлива для обогрева дома, Полу пришлось как следует порыскать по улицам, пока он не нашел автоцистерну, а затем дать взятку водителю, чтобы тот доставил топливо на дом.

Его деловые проблемы все более осложнялись. Министр здравоохранения и социального обеспечения доктор Шейхулислами-заде был арестован согласно статье 5 закона о военном положении, позволявшей прокурору заключать в тюрьму любого, не предъявляя для этого никаких оснований. В тюрьму уехали также заместитель министра Резу Негхабата, с которым тесно сотрудничал Пол. Министерство все еще не оплатило счет, выставленный за июнь, да и вообще ни один счет, предъявленный с тех самых пор, и теперь задолжало «ЭДС» более четырех миллионов долларов.

В течение двух месяцев Пол пытался заполучить эти деньги. Особы, с которыми он имел дело ранее, все уехали. Заменившие их люди обычно не отвечали на его звонки. Иногда кое-кто обещал заняться этой проблемой и позвонить попозже. Прождав неделю обещанный телефонный звонок, Пол обычно вновь брался за телефонную трубку с единственным результатом получения ответа, что человек, беседовавший с ним на прошедшей неделе, теперь покинул министерство. Достигалась договоренность о встречах, которые затем отменялись. Задолженность росла объемами 1,4 миллиона долларов в месяц.

14 ноября Пол написал доктору Хейдарголи Эмрани, заместителю министра, ответственному за организацию социального обеспечения, направив ему официальное извещение, что, если министерство не заплатит в течение месяца, «ЭДС» прекратит свою работу. Эта угроза была повторена 4 декабря начальником Пола, президентом «ЭДС Уорлд» в ходе личной встречи с доктором Эмрани.

Это было вчера.

Если «ЭДС» выйдет из игры, вся иранская система социального страхования рухнет. Однако становилось все более очевидно, что страна пребывает в состоянии банкротства и просто не может оплатить свои счета. Пол ломал голову над вопросом, как же поступит теперь доктор Эмрани?

Эта проблема все еще занимала его, когда в кабинет вошел Джей Кобёрн с ответом.

* * *

Однако сначала до Пола не дошло, что попытка украсть его паспорт может иметь своим намерением задержать его и, таким образом, «ЭДС» в Иране.

Когда Кобёрн изложил ему имевшиеся факты, Чьяппароне промолвил:

– Какого черта они завелись с этим делом?

– Не знаю. И Маджид не знает, и Фара не знает.

Пол уставился на него. За последний месяц эти двое мужчин сблизились. Перед всеми остальными сотрудниками Пол прикидывался, что все в порядке, но с Кобёрном он имел возможность закрыть дверь и задать вопрос:

– О'кей, что ты думаешь на самом деле?

Кобёрн ответил:

– Первым делом, как нам поступить с Фарой? На нее может свалиться куча неприятностей.

– Ей придется дать им какой-то ответ.

– Прикинуться, что сотрудничает?

– Она может вернуться и сказать им, что Найфилер и Буча больше не находятся в стране...

– Фара уже говорила это.

– Она может предъявить в качестве доказательства их выездные визы.

– Ну да, – с сомнением произнес Кобёрн. – Но теперь они реально заинтересовались тобой и Биллом.

– Фара может сказать, что паспорта не хранятся в офисе.

– Им может быть известно, что это неправда, – Фара в прошлом, возможно, даже возила к ним паспорта.

– Сказать, что руководящим работникам не требуется держать паспорта в офисе.

– Это может сработать.

– Сгодится любая убедительная история в том смысле, что Фара физически не была в состоянии сделать то, о чем ее просили.

– Хорошо. Я обговорю это с ней и Маджидом. – Кобёрн на минуту задумался. – Ты знаешь, у Бучи забронирован билет на самолет на завтра. Он может просто улететь.

– Вероятно, ему и следует поступить таким образом, – во всяком случае, они думают, что его здесь нет.

– Ты можешь последовать за ним.

Пол поразмыслил. Возможно, ему следует теперь убраться восвояси. Как поступят тогда иранцы? Они могут просто попытаться задержать кого-то еще.

– Нет, – заявил он. – Если мы уезжаем, я должен покинуть это место последним.

– Разве мы уезжаем? – спросил Кобёрн.

– Я не знаю. – Каждый день в течение этих недель они задавали друг другу этот вопрос. Кобёрн разработал план эвакуации, который мог бы быть немедленно приведен в действие. Удерживая палец на кнопке, Пол терзался сомнениями. Он знал, что его начальник, сидевший в Далласе, настаивал на его эвакуации, но это означало бросить проект, в который за последние шестнадцать месяцев было вложено столько упорного труда.

– Не знаю, – медленно протянул он. – Я позвоню в Даллас.

Той ночью Кобёрн крепко спал дома в своей постели подле Лиз, когда зазвонил телефон.

В темноте он схватил трубку.

– Да?

– Говорит Пол.

– Привет. – Кобёрн включил свет и бросил взгляд на свои наручные часы. Было два часа ночи.

– Мы собираемся эвакуироваться, – произнес Пол.

– Наконец-то до тебя дошло.

Кобёрн положил трубку и уселся на краю кровати. Некоторым образом на него даже снизошло облегчение. Предстоят двое или трое суток лихорадочной деятельности, но затем он будет знать, что люди, чья безопасность волновала его в течение столь длительного времени, возвратились в Штаты, за пределы досягаемости этих свихнувшихся иранцев.

Кобёрн перебрал в уме все те планы, которые составил как раз на этот случай. Первым делом ему надлежит проинформировать сто тридцать семей, что в течение ближайших двух суток их членам необходимо покинуть страну. Он разбил город на районы, назначив во главе каждого руководителя команды: эти руководители получают указания от него, а уж их зада-

чей будет известить семьи. Кобёрн набросал черновики предписаний для эвакуирующихся, инструктировавшие их, куда ехать и что делать. Ему оставалось только заполнить пустые места датами, временем и номерами рейсов, затем размножить их и раздать.

Он выбрал молодого, деятельного и одаренного богатым воображением иранского инженера по системам Рашида, возложив на него задачу позаботиться о домах, автомобилях и домашних животных, которые будут покинуты американскими беженцами, и наконец, об отправке их имущества в США. Кобёрн назначил небольшую группу по логистике для закупки авиабилетов и транспортировки в аэропорт.

Наконец он провел небольшую репетицию эвакуации с несколькими людьми. Все сработало.

Кобёрн оделся и сварил кофе. Он ничего не мог предпринять в последующую пару часов, ибо испытывал слишком сильную тревогу и нетерпение, чтобы заснуть.

В четыре часа утра Кобёрн обзвонил полдюжины членов логистической группы, разбудил их и приказал собраться в офисе «Бухарест» немедленно после окончания комендантского часа.

Комендантский час начинался каждым вечером в девять и заканчивался в пять утра. Целый час Кобёрн просидел в ожидании, куря сигареты, поглощая невероятное количество кофе и просматривая свои заметки.

Когда часы с кукушкой в холле прокуковали пять, он уже был у входной двери, готовый к убытию.

Снаружи царил густой туман. Он сел в автомобиль и направился в «Бухарест», ползя на черепашней скорости пятнадцать миль в час.

Через три квартала от дома из тумана выскочили полдюжины солдат и выстроились полукругом перед его автомобилем, направив свои винтовки на лобовое стекло.

– Ах, дерьмо, – пробормотал Кобёрн.

Один из солдат все еще заряжал свою винтовку. Он пытался вставить обойму, но та не шла. Солдат уронил обойму и опустился на колени, шаря по земле, чтобы найти ее. Не будь Кобёрн настолько перепуган, он рассмеялся бы.

Офицер заорал на Кобёрна на фарси. Кобёрн опустил стекло. Показав офицеру на свои наручные часы, он произнес:

– Уже больше пяти.

Солдаты посовещались. Офицер вернулся и спросил у Кобёрна удостоверение личности. Кобёрн ждал с беспокойством. Хуже некуда, если его арестуют. Поверит ли офицер, что часы иностранца идут правильно, а его – нет?

Наконец солдаты убрались с дороги, и офицер махнул Кобёрну.

Тот вздохнул с облегчением и медленно продолжил свой путь. Вот так оно было тогда в Иране.

II

Логистическая группа Кобёрна засела за работу, резервируя места в самолетах, заказывая автобусы для перевозки людей в аэропорт и размножая листки с указаниями для раздачи эвакуируемым. В 10 утра Кобёрн собрал руководителей команд в «Бухаресте» и засадил их за уведомление отъезжающих по телефону.

Для большинства из них он обеспечил бронирование мест на рейс «Пан Американ» в Стамбул в пятницу, 8 декабря. Остальные, включая Лиз Кобёрн и их четверых детей, должны были вылететь рейсом «Люфтганзы» во Франкфурт в тот же самый день.

Как только бронирование мест было подтверждено, два руководящих работника штаб-квартиры «ЭДС», Мерв Стоффер и Т. Дж. Маркес, вылетели из Далласа в Стамбул, чтобы встретить эвакуированных, препроводить их в отели и организовать следующий этап их вылета обратно домой.

В течение дня в плане было сделано небольшое изменение. Пол все еще сопротивлялся тому, чтобы покинуть свою работу в Иране. Он предложил оставить здесь костяк примерно из десятка старших сотрудников, дабы поддерживать жизнедеятельность офиса в надежде, что волнения в Иране улягутся и «ЭДС» в конце концов сможет возобновить нормальную работу. Даллас дал согласие. Среди добровольно выразивших свое согласие оказались сам Пол, его заместитель Билл Гейлорд, Джей Кобёрн и большинство членов логистической группы по эвакуации. Супружеской четой, против своей воли задержавшейся в Тегеране, оказались Карл и Вики Коммонз: Вики была на девятом месяце беременности, и они намеревались уехать после рождения младенца.

В пятницу утром команда Кобёрна, набив карманы десятками тысячами риалов наличными (около 140 долларов) для взяток, натуральным образом захватила часть аэропорта Мехрабад в западной части Тегерана. Кобёрн расставил людей на выписке билетов за стойкой офиса «Пан Американ», на паспортном контроле, в помещении ожидания на вылете и в отделении обработки багажа. Заявки на вылет превышали количество мест: с помощью взяток позаботились о том, чтобы ни одного человека с «ЭДС» не сняли с рейса.

Возникло два особо напряженных момента. Жена сотрудника «ЭДС» с австралийским паспортом не смогла получить выездную визу, поскольку бастовали иранские правительственные ведомства, выдававшие такие визы. (У ее мужа и детей были американские паспорта, а потому им не требовались выездные визы.) Когда ее муж подошел к окошку паспортного контроля, он подал как свой паспорт, так и паспорта своих детей в пачке с другими шестью или семью паспортами. Когда охранник попытался рассортировать их, пассажиры с «ЭДС» в очереди начали проталкиваться вперед и создали некоторую суматоху. Несколько человек из команды Кобёрна столпились вокруг стойки, громко выкрикивая вопросы и изображая недовольство по поводу задержки. В этой неразберихе женщина с австралийским паспортом прошла через зону вылета и не была задержана.

Другая семья сотрудника «ЭДС» усыновила иранского младенца и еще не смогла получить паспорт на него. Будучи всего нескольких месяцев от роду, ребенок заснул личиком вниз на предплечье матери. Жена другого сотрудника «ЭДС», Кэйти Маркетос, – из разряда тех, о которых говорят, что ради детей они готовы пойти на что угодно, – положила спящего младенца к себе на предплечье, накрыла его сверху плащом и вынесла к самолету.

Однако минуло немало времени, прежде чем все сели в самолеты. Оба рейса были задержаны. В аэропорту оказалось невозможно купить еды, и эвакуируемые проголодались, так что как раз перед комендантским часом некоторые из членов команды Кобёрна разъезжали по городу, скупая все съестное, которое попадалось им под руку. Они приобрели все содержимое нескольких ларьков, располагавшихся на перекрестках улиц и торговавших конфетами, фрук-

тами и сигаретами, затем посетили заведение «Кентаки фрайд чикн» и провернули выгодную сделку по приобретению всего запаса булочек. Вернувшись в аэропорт, чтобы передать еду людям «ЭДС» в зале ожидания вылета, они буквально подверглись травле со стороны прочих оголодавших пассажиров, ожидавших те же самые рейсы. На обратном пути в центр города двое из команды были остановлены и арестованы за передвижение после комендантского часа, но внимание солдата, преградившего им путь, отвлек другой автомобиль, и люди с «ЭДС» уехали, пока часовой переключился на противоположную сторону.

Рейс на Стамбул улетел сразу после полуночи. Рейс на Франкфурт отправился на следующий день с задержкой в тридцать один час.

Кобёрн и большая часть его команды провели ночь в «Бухаресте». Им было не к кому идти домой.

* * *

Пока Кобёрн занимался эвакуацией, Пол пытался выяснить, кто хотел конфисковать его паспорт и почему. Его помощник по административным делам Рич Галлахер был молодым американцем, весьма сноровисто находившим общий язык с представителями иранской бюрократии. Галлахер принадлежал к числу тех, кто изъявил желание остаться в Тегеране. Осталась там и его жена Кэйти. Она занимала хорошую должность при военном контингенте США в Тегеране. Чета Галлахеров не намеревалась уезжать. Более того, у них не было детей, этого предмета переживаний, – один только пудель по кличке Баффи.

В тот день, когда Фаре приказали забрать паспорта – 5 декабря, – Галлахер наведлся в посольство США с одним из тех сотрудников, чей паспорт был затребован: Полом Буча, больше не работавшим в Иране, но оказавшимся в городе с визитом. Они встретились с генеральным консулом Лу Гёлцем. Гёлц, многоопытный дипломат на шестом десятке, был дородным лысеющим мужчиной с венчиком белоснежных волос на голове: из него вышел бы прекрасный Санта-Клаус. При Гёлце находился иранский сотрудник персонала консульства, Али Джордан.

Гёлц посоветовал Буче срочно улететь самолетом. Фара заявила в полиции – с видом полной невинности, – что Бучи нет в Иране, и ей вроде бы поверили. Шансы того, что ему удастся улизнуть, были весьма высоки.

Гёлц также предложил принять на хранение паспорта и виды на жительство Пола и Билла. Таким образом, если бы полиция сделала официальный запрос на эти документы, «ЭДС» могла бы отослать ее к посольству.

Тем временем Али Джордан свяжется с полицией и попытается разведать, что же, черт возьми, происходит.

Позднее тем же днем паспорта и документы были доставлены в посольство.

На следующее утро Буча сел в самолет и улетел. Галлахер позвонил в посольство. Али Джордан переговорил с генералом Биглари из тегеранского департамента полиции. Биглари заявил, что Пол и Билл задерживаются в стране и будут арестованы, если попытаются уехать.

Галлахер спросил, почему.

Насколько понял Джордан, они задерживаются в качестве «важных свидетелей в расследовании».

– В каком расследовании?

Этого Джордан не знал.

Когда Галлахер известил его обо всем этом, Пол был и озадачен, и встревожен. Он не был замешан в дорожно-транспортном происшествии, не оказался свидетелем преступления, не имел связей с ЦРУ... По поводу кого или чего велось расследование? В отношении «ЭДС»?

Или это расследование просто было предлогом для удержания Пола и Билла в Иране, чтобы они продолжали заниматься компьютерами системы социального страхования?

Полиция пошла лишь на одну уступку. Али Джордан выставил тот довод, что полиция имела право конфисковать виды на жительство, которые являлись собственностью правительства Ирана, но не паспорта, представлявшие собой собственность правительства США. Генерал Биглари признал это.

На следующий день Галлахер и Али Джордан отправились в полицейский участок для передачи документов генералу Биглари. По пути Галлахер поинтересовался у Джордана, не думает ли тот, что существует вероятность предъявления обвинения Полу и Биллу в совершении правонарушения.

– Очень сильно сомневаюсь в этом, – ответил Джордан.

В полицейском участке генерал предупредил Джордана, что на посольство будет возложена ответственность, если Пол и Билл покинут страну любым путем – даже военным самолетом США.

На следующий день – 8 декабря, день эвакуации, – в «ЭДС» раздался телефонный звонок от Лу Гёлца. Консул узнал через «источник» в Министерстве юстиции Ирана, что дознание, в котором Пол и Билл предполагались выступить в качестве важных свидетелей, было расследованием по обвинению в коррупции пребывающего в заключении министра здравоохранения, доктора Шейхулислами-заде.

Для Пола стало чем-то вроде облегчения узнать наконец-то, по поводу чего заварилась вся эта каша. Он спокойно мог сказать ведущим расследование чистую правду: «ЭДС» не платила никаких взяток. Чьяппароне вообще сомневался в том, что кто-то подкупал министра. Коррупция иранской бюрократии была широко известна, но доктор Шейх – как сокращенно называл его Пол – похоже, был другого поля ягода. Получивший образование хирурга-ортопеда, он обладал проницательным умом и впечатляющей способностью улавливать малейшие детали. В Министерстве здравоохранения он окружил себя группой прогрессивных молодых технократов, находивших пути пробираться через дремучий лес бюрократических препон и добиваться выполнения дел. Этот проект «ЭДС» являл собой всего лишь часть амбициозного плана министра поднять иранское здравоохранение и систему социального обеспечения на уровень американских стандартов. Пол не верил, что доктор Шейх одновременно набивал себе карманы.

Полу было нечего бояться, если «источник» Гёлца говорил правду. Но соответствовало ли это истинному положению дел? Доктора Шейха арестовали три месяца назад. Было ли совпадением то, что иранцы внезапно сочли Пола и Билла важными свидетелями, когда Чьяппароне известил их о немедленном уходе «ЭДС» из Ирана, если министерство не оплатит счета корпорации?

После эвакуации оставшиеся люди «ЭДС» переехали в два дома и засели там за игру в покер в течение 10 и 11 декабря, священных дней Ашуры. В одном доме игра шла с высокими ставками, в другом – с низкими. И Пол, и Кобёрн играли по-крупному. Для защиты они пригласили двух «лазутчиков» Кобёрна – двух его контактных лиц в военной разведке, – которые были вооружены. За покерным столом не позволялось никакое оружие, так что «лазутчики» были вынуждены оставить свое огнестрельное оружие в холле.

В противоположность ожиданиям, праздник Ашура прошел относительно мирно: миллионы иранцев по всей стране вышли на демонстрации протеста против шаха, но особой вспышки насилия не наблюдалось.

После Ашуры Пол и Билл вновь поразмыслили над тем, чтобы сбежать из страны, но их ожидало сильное потрясение. Для начала они попросили Лу Гёлца из посольства вернуть им паспорта. Консул ответил, что если он удовлетворит их просьбу, то будет обязан проинформи-

ровать генерала Биглари. Это будет равносильно предупреждению полиции, что Пол и Билл пытаются улизнуть.

Гёлец настаивал, что проинформировал «ЭДС» о своей договоренности с полицией, когда забирал паспорта, он, должно быть, упомянул об этом мельком, ибо никто не мог этого припомнить.

Пол вышел из себя. *Почему* Гёлец пошел на заключение *какой-то* договоренности с полицией? Он не был никоим образом обязан сообщать им, что делает с любым американским паспортом. Боже ты мой, содействовать полиции в удержании Пола и Билла в Иране было совершенно не его делом! Ведь посольство существует для того, чтобы *оказывать помощь американцам*, не так ли?

Не может ли Гёлец отказаться от своего глупого соглашения и потихоньку возвратить паспорта, возможно, проинформировав полицию парой дней позже, когда Пол и Билл будут в безопасности на родине? Ни в коем случае, отрезал Гёлец. Если он поссорится с полицией, те начнут досажать всем вообще, а у Гёльца и так дел по горло с двенадцатью тысячами американцев, все еще пребывающих в Иране. Кроме того, имена Пола и Билла теперь были занесены в «стоп-лист» полиции аэропорта: даже со всеми документами в полном порядке они никогда не пройдут через паспортный контроль.

Когда известие, что Пол и Билл по-настоящему и прочно застряли в Иране, достигла Далласа, «ЭДС» и ее юристы развили бурную деятельность. Их связи в Вашингтоне не были столь хорошими, как при пребывании у власти республиканцев, но кое-какие друзья у них имелись. Те поговорили с Бобом Страусом, уроженцем Техаса, чрезвычайно влиятельной особой по улаживанию конфликтов; адмиралом Томом Мурером, бывшим председателем Объединенного комитета начальников штабов, знакомым со многими генералами, руководившими теперь военным правительством Ирана; и Ричардом Хелмсом, бывшим директором ЦРУ и бывшим послом США в Иране. В результате оказанного ими давления на Госдеп посол США в Тегеране Уильям Салливан поднял вопрос о Поле и Билле на встрече с иранским премьер-министром генералом Азхари.

Это не дало никаких результатов.

Тридцать дней, которые Пол дал иранцам на оплату их счета, истекли, и 16 декабря он направил письмо доктору Эмрани, официально прекращая контракт. Но Пол не сдавался. Он попросил кучку эвакуированных сотрудников вернуться в Тегеран в качестве знака готовности «ЭДС» попытаться разрешить все проблемы корпорации с министерством. Некоторые из возвратившихся работников, воодушевленные мирным характером Ашуры, даже привезли с собой свои семьи.

Ни посольство, ни юристы «ЭДС» в Тегеране не смогли узнать, *кто именно* приказал задержать Пола и Билла. Только отец Фары, Маджид, в конце концов вытянул информацию у генерала Биглари. Расследование вел следователь Хусейн Дадгар, чиновник среднего уровня в ведомстве прокурора, в отделе, ведавшем преступлениями гражданских служащих и обладавшем чрезвычайно широкими полномочиями. Дадгар занимался расследованием дела доктора Шейха, заключенного в тюрьму бывшего министра здравоохранения.

Если уж посольство не смогло убедить иранцев позволить Полу и Биллу покинуть страну и не было склонно потихоньку возвратить им паспорта, в таком случае не могло бы оно, по крайней мере, устроить, чтобы Дадгар как можно скорее допросил Пола и Билла, дабы те смогли на Рождество уехать на родину? Рождество не имело никакого значения для иранцев, заметил Гёлец, но вот Новый год – да, так что он постарается организовать встречу до этого праздника.

Во время второй половины декабря вновь вспыхнули беспорядки (и первым делом, которым занялись возвратившиеся сотрудники, была подготовка плана второй эвакуации). Всеобщая забастовка продолжалась, и экспорт нефти – наиболее важный источник доходов пра-

вительства – застопорился, сводя к нулю шансы «ЭДС» получить оплату. Поскольку лишь несколько иранцев выходили на работу в министерстве, заняться сотрудникам «ЭДС» было совершенно нечем, и Пол отослал половину из них на Рождество в Штаты.

Пол упаковал свои чемоданы, запер дом и переехал в отель «Хилтон», готовый при первой благоприятной возможности отправиться на родину.

По городу бродили всевозможные слухи. Джей Кобёрн уловил большую их часть в свои сети и принес наиболее интересные Полу. Самый тревожный сигнал поступил от Банни Флейшейкер, американской девушки, имевшей друзей в Министерстве юстиции. Банни работала на «ЭДС» в Штатах и поддерживала связь с корпорацией в Тегеране, хотя больше не являлась ее сотрудницей. Она позвонила Джею Кобёрну с сообщением, что Министерство юстиции планирует арестовать Пола и Билла.

Пол обсудил это известие с Кобёрном. Эта новость противоречила тому, что сообщало посольство США. Они сошлись на том, что рекомендация посольства была лучше, нежели совет Банни Флейшейкер, и решили не предпринимать никаких действий.

Пол спокойно провел рождественский день с несколькими коллегами в доме Пэта Скалли, молодого менеджера «ЭДС», добровольно изъявившего желание возвратиться в Тегеран. Жена Скалли Мэри также приехала обратно и приготовила рождественский ужин. Пол тосковал по Рути и детям.

Через два дня после Рождества раздался звонок из посольства. Им удалось устроить встречу Пола и Билла со следователем. Она должна была состояться на следующее утро, 28 декабря, в здании Министерства здравоохранения на авеню Эйзенхауэра.

Билл Гейлорд явился в кабинет Пола вскоре после девяти часов с чашкой кофе в руке, одетый в форму «ЭДС»: деловой костюм, белую рубашку, неброский галстук, черные уличные туфли.

Как и Полу, Биллу исполнилось тридцать девять лет, он был среднего роста и коренаст, но на этом все сходство и кончалось. У Пола была смуглая кожа, густые брови, глубоко поставленные глаза и крупный нос: в повседневной одежде его часто ошибочно принимали за иранца, пока он не открывал рот и не начинал говорить по-английски с нью-йоркским акцентом. У Билла же было плоское круглое лицо и чрезвычайно белая кожа: никто и никогда не принял бы его ни за кого иного, кроме англосакса.

У них было много общего. Оба исповедовали католическую веру, хотя Билл относился к этому более истово. Оба любили хорошо поесть. Оба получили образование системных инженеров и поступили на работу в «ЭДС» в середине шестидесятых, Билл в 1965-м, а Пол – в 1966 году. Оба сделали блестящую карьеру в «ЭДС», но, хотя Пол пришел в корпорацию на год позже, теперь он занимал по отношению к Биллу начальствующее положение. Билл досконально знал сферу здравоохранения и был первоклассным администратором для подчиненных, но не обладал столь мощной пробивной способностью и энергией, как Пол. Билл был глубоко мыслящим человеком и дотошным организатором. Полу никогда не приходилось беспокоиться, если важную презентацию проводил Билл: тот обдумает каждое слово.

Они хорошо сработались. Когда Пол порол горячку, Билл заставлял его остановиться и пораскинуть мозгами. Когда Билл хотел спланировать свой путь с объездом каждой кочки на пути, Пол приказывал ему садиться за руль и, не мудрствуя лукаво, ехать вперед.

Они познакомились в Штатах, но хорошо узнали друг друга за последние девять месяцев. Когда Билл прибыл в Тегеран прошлым мартом, он жил в доме Чьяппароне, пока не приехали его жена Эмили и дети. Пол чувствовал себя почти его защитником. Просто стыд и срам, что Билл в Иране столкнулся с одними проблемами.

Билла намного больше, нежели других, беспокоили столкновения и стрельба – возможно, потому, что он недавно находился здесь, а возможно, потому, что по складу своего характера он был более беспокойным. Гейлорд также серьезнее воспринял проблему с паспортами. Он

как-то даже предложил сесть вместе на поезд и отправиться на северо-восток Ирана, где пересечь границу с Россией на том основании, что никто не будет ожидать побега американских бизнесменов через Советский Союз.

Билл также страшно скучал по Эмили и детям. Пол ощущал свою ответственность за это, потому что именно он попросил Билла вернуться в Иран. Все-таки дело почти шло к завершению. Сегодня они встретятся с господином Дадгаром и получают обратно свои паспорта. У Билла на завтра был зарезервирован билет на самолет. Эмили запланировала для него приветственную вечеринку накануне Нового года. Вскоре все это будет казаться сном.

Пол улыбнулся Биллу:

– Ты готов ехать?

– В любой момент.

– Давай-ка вызовем Абулхасана. – Пол поднял телефонную трубку. Абулхасан был самым старшим иранским служащим и консультировал Пола по иранским обычаям ведения бизнеса. Сын видного юриста, он женился на американке и очень хорошо говорил по-английски. Одной из его обязанностей было переводить контракты «ЭДС» на фарси. Сегодня он будет должен осуществлять перевод для Пола и Билла на их встрече с Дадгаром.

Абулхасан немедленно явился в кабинет Пола, и все трое отправились в путь. Коллеги не взяли с собой юриста. По словам сотрудников посольства, эта встреча будет рядовой, а допрос – неофициальным. Брать с собой юристов было бы не только бессмысленно, но и могло настроить против них господина Дадгара, заронив в него подозрение, будто Чьяппароне и Гейлорду есть что скрывать. Полу хотелось бы заручиться присутствием кого-нибудь из персонала посольства, но Лу Гёлц также отверг эту мысль. Посылать представителей посольства на подобную встречу не было обычной процедурой. Однако Гёлц посоветовал Полу и Биллу взять с собой документы, подтверждавшие, когда они прибыли в Иран, – каково их официальное положение и диапазон обязанностей.

По мере того как автомобиль пробирался через привычно безумное уличное движение Тегерана, Пол начал ощущать гнетущее состояние. Он был бы рад отправиться домой, но ему не хотелось признаваться в собственном провале. Он приехал в Иран для построения здесь бизнеса «ЭДС», а пришлось его ликвидировать. С какой точки ни смотреть на первое заокеанское предприятие корпорации, оно пришло к краху. Не вина Пола в том, что у правительства Ирана подошли к концу деньги, но это было слабым утешением: из оправданий прибылей не извлечешь.

Они свернули на обсаженную деревьями авеню Эйзенхауэра, такую же широкую и прямую, как американская автомагистраль, и заехали во двор квадратного десятиэтажного здания, несколько отодвинутого от улицы и охраняемого солдатами с автоматами. Это была организация социального обеспечения Министерства здравоохранения и социального обеспечения. Она предназначалась для того, чтобы стать источником мощи нового иранского государства социального благоденствия: иранское правительство и «ЭДС» работали здесь бок о бок для построения системы социального обеспечения. «ЭДС» занимала весь восьмой этаж. Там находился кабинет Билла.

Пол, Билл и Абулхасан предъявили свои пропуска и вошли. Коридоры были грязны, в здании царил холод: отопление вновь отключили. Новоприбывшие направились к кабинету, которым воспользовался господин Дадгар.

Он предстал перед посетителями в небольшой комнате с замаранными стенами, сидя за ободраным серым металлическим столом. Перед ним лежали тетрадь и ручка. Через окно Полу был виден Центр данных, который строила рядом «ЭДС».

Абулхасан всех представил друг другу. На стуле рядом со столом Дадгара сидела иранка: ее звали госпожа Нурбаш, и она была переводчицей Дадгара.

Посетители уселись на выдавшие виды металлические стулья. Подали чай. Дадгар начал говорить на фарси. Его голос был мягким, но довольно низким и лишенным какого бы то ни было выражения. Ожидая перевода, Пол изучал его. Дадгар был невысоким приземистым человеком за пятьдесят, и по некоторой причине он наводил Пола на мысль об Арчи Банкере.³ Кожа у него была смуглой, волосы зачесаны вперед, как будто он пытался скрыть тот факт, что у него появились залысины. У него были усы и очки, и он был облачен в темный костюм.

Дадгар кончил говорить, и Абулхасан промолвил:

– Он предостерегает, что наделен полномочиями арестовать вас, если найдет ваши ответы на свои вопросы неудовлетворительными. Если вы не осознаете этого, он говорит, что вы можете отложить собеседование, дабы предоставить вашим юристам время для оформления освобождения под залог.

Пол был удивлен таким поворотом дела, но быстро оценил его, как и любое другое деловое решение. О'кей, подумал Чьяппароне, наихудшее, что может случиться, так это то, что он не поверит нам и арестует нас, но ведь мы не убийцы и выйдем под залог через двадцать четыре часа. Тогда наше местонахождение могут ограничить пределами этой страны, и нам придется встретиться с нашими юристами и попытаться решить все проблемы... что, в конце концов, не хуже той ситуации, в которой мы очутились сейчас.

Он взглянул на Билла:

– Что ты думаешь?

Билл пожал плечами:

– Гёлц говорит, что эта беседа – формальность общепринятой практики. Эта чушь о залоге звучит как чистой воды проформа – вроде зачитывания вам ваших прав.

Пол кивнул:

– Мы меньше всего нуждаемся в том, чтобы отложить это собеседование.

– Тогда покончим с этим.

Пол повернулся к госпоже Нурбаш:

– Прошу сказать господину Дадгару, что ни один из нас не совершил никакого преступления и ни одному из нас не известен кто-либо еще, совершающий преступление, так что мы уверены, что против нас не может быть предъявлено никаких обвинений, и нам хотелось бы покончить с этим сегодня, чтобы иметь возможность уехать на родину.

Госпожа Нурбаш перевела.

Дадгар сказал, что он хотел бы сначала побеседовать только с Полом. Билл должен будет зайти через час.

Билл вышел.

* * *

Билл поднялся к своему кабинету на восьмом этаже. Он поднял телефонную трубку, позвонил в «Бухарест» и связался с Ллойдом Бригтсом, занимавшим в иерархической пирамиде третье место после Пола и Билла.

– Дадгар предупредил, что имеет полномочия арестовать нас, – сообщил Бригтсу Билл. – Возможно, потребуется оформить залог. Позвони иранским юристам и спроси, что это значит.

– Непременно, – отозвался Бригтс. – Ты где?

– В моем кабинете в министерстве.

– Я перезвоню тебе.

Билл положил трубку и принялся ждать. Сама мысль о возможности быть арестованным казалась смехотворной – невзирая на широко распространенную коррупцию в современном

³ Арчи Банкер – житель Нью-Йорка, главный герой американского телесериала 1970-х годов «Все в семье».

Иране, «ЭДС» никогда не давала взятки с целью получения контрактов. Но, даже если взятки и имели место, платил их не Билл: его задачей было поставить продукт, а не заполучить заказ.

Бриггс позвонил через несколько минут.

– Тебе не о чем беспокоиться, – успокоил он его. – На прошлой неделе человеку, обвиняемому в убийстве, был назначен залог всего в сумме полутора миллиона риалов.

Билл быстро прикинул в уме: это составляло двадцать тысяч долларов. Возможно, «ЭДС» в состоянии внести такие деньги наличными. Уже несколько недель они держали большие суммы в наличных как из-за забастовок в банках, так и для использования во время эвакуации.

– Сколько у нас хранится в сейфе офиса?

– Около семи миллионов риалов плюс двадцать тысяч долларов.

Так что, подумал Билл, даже если меня арестуют, мы сможем немедленно внести залог.

– Спасибо, – промолвил он. – Теперь я чувствую себя намного лучше.

* * *

Внизу Дадгар записал полное имя Пола, дату и место рождения, законченные им учебные заведения, опыт работы с компьютерами и подтверждающие его аттестации, а также тщательно изучил документ, которым Пол официально назначался управляющим по региону «Электроник дейта системз корпорейшн Иран». Теперь он попросил Пола рассказать, каким образом «ЭДС» получила контракт у Министерства здравоохранения.

Пол глубоко вздохнул:

– Во-первых, я хотел бы указать, что во время проведения переговоров по контракту и его подписания я не работал в Иране, так что не владею информацией первоисточника. Однако я расскажу вам о том, как в моем понимании выглядела эта процедура.

Госпожа Нурбаш перевела, и Дадгар кивнул головой.

Поль продолжил, говоря медленно и весьма официальным языком, дабы помочь переводчице.

– В 1975 году сотрудник «ЭДС» Пол Буча узнал, что данное министерство ищет компанию по обработке данных, обладающую опытом работы с медицинским страхованием и социальным обеспечением. Он приехал в Тегеран, провел встречи с чиновниками министерства и определил суть и масштаб той работы, выполнение которой было нужно министерству. Ему сказали, что министерство уже получило предложение на выполнение этого проекта от фирм «Луи Бергер и компания», «Марш и Макклеллан», «ИЗИРАН» и «ЮНИВАК» и в пути находится пятое предложение – от «Кап Джемини соджети». Господин Буча заявил, что «ЭДС» является ведущей компанией по обработке данных в США, к тому же наша компания специализируется именно на этом разделе работы здравоохранения. Он предложил бесплатно подготовить для министерства предварительное технико-экономическое обоснование. Предложение было принято.

Сделав паузу для перевода, Пол обратил внимание на то, что госпожа Нурбаш, похоже, произнесла меньше, чем высказал он, а Дадгар записал еще меньше. Пол начал говорить еще медленнее и делать перерывы чаще.

– Министерству совершенно очевидно понравились предложения «ЭДС», потому что оно потом попросило нас составить развернутое обоснование за двести тысяч долларов. Результаты нашего исследования были представлены в октябре 1975 года. Министерство приняло наше предложение и начало переговоры по контракту. К августу 1976 года данный контракт был согласован.

– Было ли все сделано открыто и честно? – поинтересовался Дадгар через госпожу Нурбаш.

– Абсолютно, – отрезал Пол. – Еще три месяца ушло на длительный процесс получения всех необходимых согласований от многих правительственных ведомств, включая шахский двор. Не был упущен ни один из этих этапов. Контракт вступил в силу в конце года.

– Была ли цена контракта чрезмерной?

– Он обеспечивал максимально ожидаемую прибыль до вычета налогов в размере двадцать процентов, что вполне на уровне с другими контрактами такого же объема как здесь, так и в других странах.

– Выполнила ли «ЭДС» свои обязательства по данному контракту?

Это уже представляло собой что-то такое, в отношении чего Пол действительно владел информацией первоисточника.

– Да, выполнила.

– Можете ли вы предоставить тому подтверждение?

– Безусловно. В данном контракте оговаривается, что я должен регулярно, через определенные промежутки времени встречаться с чиновниками министерства для обзора продвижения вперед: эти встречи состоялись, и в министерстве хранятся в делах протоколы этих совещаний. В контракте изложена процедура претензий, которую надлежит использовать министерству, если «ЭДС» не сможет выполнить свои обязательства: так вот, к этой процедуре не прибегли ни разу.

Госпожа Нурбаш перевела, но Дадгар ничего не записал. Ему, должно быть, все это известно, подумал Пол.

Он добавил:

– Посмотрите в окно. Вон там расположен наш Центр данных. Пойдите и осмотрите его. Он оборудован компьютерами. Потрогайте их. Они функционируют. Компьютеры выдают информацию. Прочитайте распечатки. Они на самом деле *используются*.

Дадгар сделал краткую пометку. Пол терялся в догадках, чего же он добивается на самом деле.

Следующий вопрос был таков:

– Каковы ваши отношения с «Группой Махви»?

– Когда мы впервые приехали в Иран, нас уведомили о необходимости приобретения иранских партнеров для ведения здесь бизнеса. «Группа Махви» является нашим партнером. Однако ее основная роль заключается в обеспечении нас иранским персоналом. Мы периодически встречаемся с ее сотрудниками, но они имеют мало общего с ведением наших дел.

Дадгар спросил, почему доктор Товлиати, чиновник министерства, включен в платежную ведомость «ЭДС». Разве это не представляет собой конфликт интересов?

Этот вопрос, по крайней мере, имел смысл. Теперь Полу стало понятно, что роль Товлиати может показаться неправомерной. Однако этому было несложно дать объяснение.

– Согласно нашему контракту мы берем на себя обязательство по обеспечению экспертов-консультантов для оказания помощи министерству в наилучшем использовании предоставляемых нами услуг. Таким консультантом является доктор Товлиати. У него имеется опыт по обработке данных, и он знаком как с иранскими, так и американскими методами ведения бизнеса. Предпочтительно, чтобы его оплачивала «ЭДС», а не министерство, поскольку ставки министерства слишком низки для привлечения специалиста такого калибра. Однако министерство обязано возместить нам его жалованье, как это оговорено в контракте, так что *в действительности* его услуги оплачиваются не нами.

Опять-таки Дадгар записал совсем немного. Он мог получить всю эту информацию из своих дел, подумал Пол: возможно, так оно и было.

Дадгар спросил:

– Но почему доктор Товлиати подписывает счета-фактуры?

– Это очень просто, – охотно объяснил Пол. – Он этого не делает и никогда не поступал таким образом. Самое непосредственное его отношение к этому состоит в следующем: доктор Товлиати информирует министра, что было завершено определенное задание, технические условия которого были слишком сложны для проверки несведующим человеком. – Пол улыбнулся. – Он воспринимает свою ответственность перед министерством чрезвычайно серьезно – доктор, бесспорно, наш самый строгий критик и, по обыкновению, задает множество каверзных вопросов перед подтверждением выполнения задания. Иногда мне хочется, чтобы он работал у меня.

Госпожа Нурбаш перевела. Пола не переставала терзать мысль: чего же добивается Дадгар? Сначала он спросил о переговорах по контракту, которые шли еще до начала моей работы; затем о «Группе Махви» и докторе Товлиати, как будто они имели такое уж важное значение. Возможно, Дадгар сам не знает, что ищет, – может быть, он просто прощупывает его, надеясь выудить некое свидетельство чего-то незаконного.

Сколько же может длиться этот фарс?

* * *

Билл ожидал снаружи в коридоре, не снимая пальто, чтобы не замерзнуть. Кто-то подал ему стакан чая, и, прихлебывая напиток, он грел руки о стекло. В здании царил темнота и холод.

Дадгар тотчас же произвел на Билла впечатление как личность, не похожая на среднего иранца. Он был холоден, неприветлив и негостеприимен. В посольстве заверили, что Дадгар был «благоприятно настроен» по отношению к Биллу и Полу, но у Билла сложилось совершенно иное впечатление.

Билл гадал, какую игру ведет Дадгар. Пытался ли он запугать их или серьезно рассматривал возможность арестовать обоих? В любом случае эта встреча принимала совсем не тот оборот, который предвкусало посольство. Совет его сотрудников явиться сюда без юристов или представителей посольства оказался ошибочным: возможно, они просто не хотели быть причастными к этому делу. Во всяком случае, Пол и Билл теперь были брошены на произвол судьбы. Денек обещал выдаться не из разряда приятных. Но в конце его они смогут отправиться домой.

Выглянув из окна, он увидел какую-то суматоху на авеню Эйзенхауэра. На некотором расстоянии протестующие останавливали на дороге автомобили и наклеивали на ветровое стекло плакаты с изображением Хомейни. По мере его наблюдения воинственность солдат усиливалась. Они разбили фару у одного автомобиля и ветровое стекло у другого, дабы преподать урок водителям. Затем солдаты вытащили водителя из машины и принялись избивать его.

Следующим автомобилем оказалось такси, оранжевый тегеранский наемный транспорт. Неудивительно, что он пролетел мимо, не останавливаясь; но это, похоже, разъярило солдатню, и они бросились за ним, стреляя из винтовок. И автомобиль, и преследовавшие его солдаты скрылись из вида.

Некоторое время спустя солдаты прекратили эти жестокие игры и возвратились на свои посты в огороженном стенами дворе перед зданием министерства. Этот инцидент, странная смесь ребячества и беспощадности, похоже, вкратце иллюстрировал то, что происходило в Иране. Страна катилась в пропасть. Шах потерял власть, и мятежники были твердо намерены либо изгнать, либо умертвить его. Билл испытывал жалость к людям в автомобилях, жертвам обстоятельств, которые ничего не могли поделать, кроме как надеяться на благоприятный поворот событий. Если уж иранцы не находятся в безопасности, подумал он, над американцами и подавно сгустились еще более грозные тучи. Нам пора убираться из этой страны.

Два иранца слонялись по тому же самому коридору, наблюдая столкновения на авеню Эйзенхауэра. Похоже, они испытывали ровно такой же ужас от увиденного, как и Билл.

Утро перетекло в полдень. Биллу на ланч принесли еще чаю и бутерброд. Он гадал, что происходит в комнате допроса. Его совершенно не удивило вынужденное ожидание: в Иране «час» означал ничего более точного, чем «возможно, позднее». Но, по мере того как день начал подходить к концу, его беспокойство возрастало. Не попал ли там Пол в какие-то неприятности?

Оба иранца били баклуши в коридоре все послеобеденное время, откровенно бездельничая. Билл ломал голову над тем, кто они, собственно говоря, такие. Он так и не удосужился заговорить с ними.

Ему хотелось, чтобы время текло быстрее. У него был забронирован билет на завтрашний рейс. Эмили и дети находились в Вашингтоне, где проживали как ее родители, так и Билла. Семья запланировала для него вечеринку в канун Нового года. Он с нетерпением ожидал встречи с ними.

Ему следовало покинуть Иран еще несколько недель назад, когда началось метание зажигательных бомб. Одной из тех, чей дом подвергся такой атаке, оказалась молодая женщина, с которой он когда-то учился в средней школе в Вашингтоне. Она была замужем за дипломатом в посольстве США. Билл разговаривал с супругами об этом инциденте. К счастью, никто не пострадал, но страха натерпелись предостаточно. Мне следовало бы обратить внимание на это и убраться еще тогда, подумал он.

Наконец Абулхасан открыл дверь и позвал:

– Билл! Прошу вас зайти.

Билл бросил взгляд на часы. Было пять вечера. Он вошел в кабинет.

– Холодно, – произнес он, садясь на стул.

– На этом стуле достаточно тепло, – отозвался Пол с вымученной улыбкой. Похоже, он чувствовал себя не в своей тарелке.

Перед тем как приступить к допросу Билла, Дадгар выпил стакан чаю и съел сэндвич. Наблюдая за ним, Билл подумал: этот парень пытается загнать нас в ловушку, так чтобы ему не пришлось давать нам разрешение на отъезд из страны.

Собеседование началось. Билл назвал свое полное имя, дату и место рождения, законченные им учебные заведения, подтверждающие его аттестации, а также стаж работы. Когда Дадгар задавал вопросы и записывал ответы, лицо его было совершенно безучастным: он смахивал на робота.

Билл начал осознавать, почему собеседование с Полом заняло столько времени. Каждый вопрос надлежало перевести с фарси на английский язык, а каждый ответ с английского на фарси. Перевод выполняла госпожа Нурбаш, Абулхасан вклинивался с разъяснениями и поправками.

Дадгар задал ему вопрос о выполнении «ЭДС» министерского контракта. Билл ответил пространно и со всеми подробностями, хотя предмет был как сложным, так и в высшей степени техническим, и Гейлорд был твердо уверен, что госпожа Нурбаш не могла на самом деле понять то, о чем он говорил. Во всяком случае, нельзя было надеяться на то, что кто-то способен постичь сложности всего проекта, задав несколько вопросов общего характера. Что это еще за глупость, размышлял он. Откуда у Дадгара желание просиживать целый день в комнате с ледящим холодом и задавать глупые вопросы? Билл пришел к выводу, что это являет собой какую-то часть персидского ритуала. Дадгару требовалось раздуть объем своих записей, показать, что он рассмотрел любую вероятность, и защитить себя заранее от возможной критики за то, что отпустил их. В худшем случае он может задержать их в Иране еще на некоторое время. В любом случае это был просто вопрос времени.

Как Дадгар, так и госпожа Нурбаш, похоже, были настроены враждебно. Собеседование стало все больше напоминать перекрестный допрос в зале суда. Дадгар заявил, что отчеты «ЭДС» по продвижению работы в министерство были фальшивыми. Американская корпорация якобы использовала их, чтобы заставить министерство платить за работу, которая не была выполнена. Билл указал, что чиновники министерства, обладающие достаточной компетенцией понять эти отчеты, никогда не высказывали предположения, что они были неточными. Если «ЭДС» не выполняла свою задачу, в чем тогда заключались жалобы? Дадгар мог проверить документацию министерства.

Дадгар задал вопрос о докторе Товлиати, и, когда Билл объяснил роль Товлиати, госпожа Нурбаш – заговорив еще до того, как Дадгар обеспечил ее материалом для перевода, – ответила, что объяснение Билла было неверным.

Было задано несколько разных вопросов, причем один совершенно ставящий в тупик: были ли у «ЭДС» какие-то служащие-греки? Билл ответил отрицательно, дивясь, что общего это имеет со всем делом. Дадгар, похоже, потерял терпение. Возможно, он надеялся, что ответы Билла будут противоречить показаниям Пола, и теперь, разочарованный, просматривал свои заметки. Его опрос стал безразличным и поспешным; после ответов Билла Дадгар не задавал дальнейших вопросов и не ставил других требований для разъяснения; через час чиновник закончил беседу.

Госпожа Нурбаш промолвила:

– Прошу подписаться под каждым из вопросов и ответов в тетради господина Дадгара.

– Но они на фарси – мы не можем прочесть там ни слова! – запротестовал Билл. Это уловка, подумал он; мы подпишем признание в убийстве или шпионаже или в другом преступлении, изобретенном Дадгаром.

Абулхасан заявил:

– Я просмотрю записи и проверю их.

Пол и Билл ждали, пока Абулхасан читал тетрадь. Проверка выглядела чрезвычайно беглой. Он вновь положил тетрадь на стол.

– Я советую вам подписать.

Билл был уверен, что ему не следует делать этого, но у него не оставалось иного выбора. Если ему хотелось уехать на родину, он будет вынужден подписать.

Билл взглянул на Пола. Тот пожал плечами:

– Полагаю, нам лучше сделать это.

Они по очереди поработали над тетрадью, ставя свои фамилии подле непонятных закорючек фарси.

Когда они закончили, атмосфера в комнате была напряженной. Теперь, подумал Билл, он должен будет сказать нам, что мы можем уехать на родину.

Дадгар несколько минут разговаривал с Абулхасаном на фарси, складывая свои бумаги в аккуратную стопку. Затем он покинул помещение. Абулхасан повернулся к Полу и Биллу, лицо его было суровым.

– Вы арестованы, – заявил он.

У Билла сердце ушло в пятки. Никакого самолета, никакого Вашингтона, никакой Эмили, никакой новогодней вечеринки...

– Залог установлен в девяносто миллионов туманов, шестьдесят за Пола и тридцать за Билла.

– Боже праведный! – воскликнул Пол. – Девяносто миллионов туманов – это...

Абулхасан прикинул сумму на клочке бумаги.

– Немногим меньше тринадцати миллионов долларов.

– Вы шутите! – вскричал Билл. – Тринадцать *миллионов*? Залог за убийцу составлял двадцать *тысяч*.

Абулхасан сказал:

– Он спрашивает, готовы ли вы внести этот залог.

Пол расхохотался:

– Скажите ему, что я малость поиздержался сейчас, мне придется сходить в банк.

Абулхасан не произнес ни слова.

– Он не может сказать такую вещь серьезно, – выпалил Пол.

– Он говорит это совершенно серьезно, – возразил Абулхасан.

Внезапно Билл взорвался – взбешенный на Дадгара, взбешенный на Лу Гёлца, взбешенный на весь этот чертов мир. Это была ловушка для сосунков, и они в нее попались. В чем дело, они явились сюда по своему свободному волеизъявлению, чтобы прийти на встречу, назначенную посольством США. Они не совершили ничего противоправного, и ни у кого не было ни малейшей улики против них – однако же их отправляют в тюрьму и, что всего хуже, в иранскую тюрьму.

Абулхасан заявил:

– Каждому из вас разрешается сделать по одному телефонному звонку.

Точно как в полицейских сериалах по телевидению – один телефонный звонок, а затем – в «обезьянник».

Пол взял трубку и набрал номер.

– Ллойда Бриггса, пожалуйста. Говорит Пол Чьяппароне... Ллойд? Я сегодня не приду на ужин. Меня отправляют в тюрьму.

У Билла промелькнула мысль: Пол все еще не может до конца поверить в это.

Пол с минуту слушал, затем промолвил:

– Для начала, как насчет того, чтобы позвонить Гейдену? – Билл Гейден, чье имя было столь схоже с именем Билла Гейлорда, был президентом «ЭДС Уорлд» и непосредственным начальником Пола. Как только это известие достигнет Далласа, подумал Билл, эти иранские шутники увидят, что произойдет, когда к делу по-настоящему подключится «ЭДС». Пол положил трубку, и Билл воспользовался своей очередью на разговор. Он набрал номер посольства США и попросил связать его с генеральным консулом.

– Гёлц? Говорит Билл Гейлорд. Нас только что арестовали, а залог установлен в тринадцать миллионов долларов.

– Как это произошло?

Билла взбесил спокойный, размеренный голос консула.

– Вы устроили эту встречу и сказали нам, что после нее мы можем уйти!

– Я уверен, что если вы не совершили ничего противоправного...

– Что значит «если»? – завопил Билл.

– Я как можно скорее отправлю кого-нибудь в тюрьму, – попытался успокоить его Гёлц.

Билл повесил трубку.

Вошли два иранца, которые целый день слонялись по коридору. Биллу бросилось в глаза, что они были крупными и могучими, и понял: они должны быть полицейскими в гражданской одежде.

Абулхасан промолвил:

– Дадгар сказал, что нет необходимости надевать на вас наручники.

– Ничего себе! – вырвалось у Пола. – Спасибо.

Биллу внезапно пришли на ум истории, которые он слышал о пытках заключенных в тюрьмах шаха. Он попытался прогнать эти мысли прочь.

Абулхасан поинтересовался:

– Не желаете ли вы передать мне ваши портфели и бумажники?

Они передали ему эти вещи. Пол оставил себе сотню долларов.

– Вы знаете, где находится тюрьма? – спросил Пол у Абулхасана.

– Вы отправляетесь в учреждение предварительного содержания в Министерстве юстиции на улице Хайяма.

– Езжайте в «Бухарест» и сообщите Ллойд Бриггсу все подробности.

– Обязательно.

Один из полицейских в гражданском держал дверь открытой. Билл взглянул на Пола. Пол пожал плечами.

Они вышли из помещения.

Полицейские сопровождали их вниз, в маленький автомобиль.

– Думаю, что нам придется пробыть в тюрьме с пару часов, – рассудил Пол. – Именно столько потребуется посольству и «ЭДС», чтобы отправить туда людей для внесения за нас залога.

– Возможно, они уже там, – не менее оптимистично предположил Билл.

Более крупный из двух полицейских сел за руль. Его коллега пристроился подле него на переднем сиденье. Они на высокой скорости выехали из двора и свернули на авеню Эйзенхауэра. Внезапно автомобиль нырнул в узкую улочку с односторонним движением, летя во весь опор в недозволенном направлении. Билл вцепился в спинку сиденья впереди себя. Автомобиль двигался зигзагами туда-сюда, заставляя увертываться другие машины и автобусы, следующие в противоположном направлении, их водители отчаянно сигналили и грозили им кулаками.

Машина взяла курс на юг с легким отклонением на восток. Билл думал об их прибытии в тюрьму. Поспеют ли туда люди из «ЭДС» или посольства, чтобы договориться о снижении залога, дабы они смогли отправиться домой вместо тюремной камеры? Несомненно, посольство будет выведено из себя тем, как поступил Дадгар. Посол Салливен вмешается, чтобы их немедленно отпустили. В конце концов, было чудовищно несправедливо посадить двух американцев в тюрьму, когда не было совершено никакого преступления, а затем установить залог в тринадцать миллионов долларов. Вся ситуация выглядела смехотворной.

Однако же он сидел сейчас на заднем сиденье этого автомобиля, молча глядя в окно и размышляя, что же произойдет далее.

По мере того как автомобиль несся все дальше на юг, то, что Билл видел в окно, все более пугало его.

В северной части города, где жили и работали американцы, беспорядки и стычки все еще были случайным явлением, но здесь – как только что дошло до Билла – они не прекращались. Черные остовы сожженных автобусов тлели на улицах. Сотни демонстрантов бесновались, вопя и распевая песни, совершая поджоги и строя баррикады. Юные подростки швыряли коктейли Молотова – бутылки с бензином и горящими тряпками в качестве запалов – в автомобили. Похоже, они делали это наобум. Мы можем оказаться следующими, подумал Билл. Он услышал стрельбу, но было темно, и ему не было видно, кто в кого стреляет. Водитель ни разу не снизил головокругительную скорость. Каждая вторая улица была заблокирована толпой, баррикадой или горящим автомобилем; шофер повернул автомобиль, не обращая никакого внимания на все знаки дорожного движения, и понесся через боковые улицы и переулки на задворках на ошеломительной скорости, чтобы обойти все препятствия. Живыми нам туда не добраться, в отчаянии подумал Билл. Он сжал четки в своем кармане.

Казалось, этому не будет конца, затем внезапно маленький автомобиль резко свернул в небольшой двор и остановился. Не произнеся ни слова, дюжий водитель вылез из автомобиля и пошел в здание.

Министерство юстиции было большим строением, занимавшим целый квартал. В темноте – все уличное освещение было отключено – Билл мог различить нечто смахивавшее на шестиэтажное здание. Водитель пробыл внутри минут десять-пятнадцать. Когда он вернулся,

то сел за руль и объехал вокруг квартала. Билл решил, что водитель зарегистрировал поступление заключенных на входе.

Позади здания автомобиль заехал на бордюр и остановился на пешеходной дорожке около пары стальных ворот, установленных в длинной высокой кирпичной стене. Где-то в направлении вправо, где стена кончалась, угадывались смутные очертания то ли небольшого парка, то ли сада. Водитель вышел. В одной из створок стальных ворот открылся глазок, и состоялся краткий разговор на фарси. Затем ворота открылись. Шофер подал Полу и Биллу знак выйти из автомобиля.

Они вошли в ворота.

Билл осмотрелся. Они находились в небольшом дворе. Он увидел с десятков или полтора охранников с автоматами, разбросанных по двору. Перед ним располагался круговой подъезд с припаркованными легковыми автомобилями и грузовиками. Слева у кирпичной стены находилось двухэтажное здание. Справа возвышалась еще одна стальная дверь.

Водитель подошел ко второй стальной двери и постучал. Опять состоялся обмен словами на фарси через смотровое окошко. Затем дверь отворилась и Пола с Биллом впустили внутрь.

Они находились в небольшом приемном помещении со столом и несколькими стульями. Билл огляделся. Не было ни адвокатов, ни представителей посольства, ни сотрудников «ЭДС», чтобы вытащить их из тюрьмы. Мы брошены на произвол судьбы, подумал он, и это грозит опасностью.

За столом сидел охранник, вооруженный шариковой ручкой и кипой бланков. Он задал вопрос на фарси. Догадываясь, о чем идет речь, Пол произнес: «Пол Чьяппароне» – и назвал свою фамилию по буквам.

Заполнение бланков заняло около часа. Из тюрьмы вызвали англоговорящего заключенного для содействия в переводе. Пол и Билл назвали свои тегеранские адреса, номера телефонов, даты рождения и перечислили принадлежавшие им вещи. У них забрали все деньги, а каждому выдали по две тысячи риалов, или около тридцати долларов.

Их отвели в соседнюю комнату и приказали снять одежду. Они оба разделись до трусов. Их одежду и тела обыскали. Полю приказали вновь одеться, а вот Биллу – нет. Было чрезвычайно холодно: здесь также отключили отопление. Обнаженный и дрожащий Билл гадал, что случится далее. Явно, они были единственными американцами в этой каталажке. Все, что он когда-либо читал или же слышал о пребывании в тюрьме, было устрашающим. Что сделают охранники с ним и Полом? Что сделают другие заключенные? Определенно, в любую минуту здесь появится кто-то, чтобы добиться их освобождения.

– Могу ли я надеть мое пальто? – спросил он охранника.

Охранник не понял.

– Пальто, – произнес Билл и изобразил, что надевает пальто.

Охранник подал ему пальто.

Немного позже пришел другой охранник и приказал им одеваться.

Их отвели обратно в приемное помещение. Билл еще раз осмотрелся в надежде увидеть адвокатов или друзей; и вновь его постигло разочарование.

Их провели через приемное помещение. Отворилась еще одна дверь. Они спустились на один лестничный пролет в подвал.

Было холодно, полутемно и грязно. Там располагалось несколько камер, все до отказа набитые заключенными, поголовно иранцами. Смрадный запах мочи вынудил Билла закрыть рот и медленно дышать через нос. Охранник открыл дверь в камеру номер девять. Они вошли.

На новичков уставились шестнадцать небритых образин, снedaемых любопытством. Перепуганные Пол и Билл также вытаращились на них.

Дверь камеры с грохотом закрылась за ними.

Глава вторая

I

До этого момента судьба проявляла чрезвычайную благосклонность к Россу Перо.

Утром 28 декабря 1978 года он сидел за завтраком в своем домике в горах в Вейле, штат Колорадо, и повариха Холли потчевала его завтраком.

Приютившийся на склоне горы и полуспрятавшийся в осиновом лесу бревенчатый домик состоял из шести спален, пяти ванных комнат, гостиной длиной в тридцать футов и комнаты для отдыха после катания на лыжах с бассейном джакузи перед камином. Это был всего-навсего домик для отдыха.

Росс Перо обладал огромным состоянием.

Он создал «ЭДС» с тысячью долларов в кармане, а теперь акции компании, более чем половина которых все еще принадлежала лично ему, стоили несколько сотен миллионов долларов. Перо являлся единственным владельцем «Петрюс ойл энд гэс компани», обладавшей запасами на сотни миллионов. В его собственности находилось огромное количество недвижимости в Далласе. Было трудно высчитать, какими же объемами средств он располагал на самом деле, – многое зависело просто от того, каким образом будет вестись подсчет, – но определенно, более чем пятьюстами миллионами долларов, а возможно, не менее чем миллиардом.

В романах сказочно богатые люди изображались как существа жадные, домогающиеся власти, невротичные, ненавидимые и несчастные – всегда несчастные. Перо не читал романов. Он был счастлив.

Перо не думал, что именно деньги сделали его счастливым. Он верил в зарабатывание денег, в бизнес и прибыль, ибо именно это заставляло биться сердце Америки. Ему доставляли истинное наслаждение несколько безделушек, которые можно было купить за деньги: яхта с каютами, быстроходные катера, вертолет, – но он никогда не мечтал купаться в сто долларовых банкнотах. Перо *на самом деле* мечтал о построении успешного бизнеса, в котором будут заняты тысячи человек; но его величайшая воплотившаяся в жизнь мечта находилась прямо перед его взором. Вокруг сновали облаченные в термобелье, готовившиеся отправиться кататься на лыжах члены его семьи. Здесь присутствовал Росс-младший, двадцати лет от роду, и, если в штате Техас можно было найти более прекрасного юношу, Перо еще предстояло встретиться с ним. Здесь бегали четыре – не ошибитесь, четыре – дочери: Нэнси, Сюзанна, Кэролин и Кэтрин. Все они были здоровыми, элегантными и привлекательными. Перо иногда признавался интервьюировавшим его репортерам, что будет измерять свой успех в жизни тем, какими окажутся его дети. Если наследники вырастут достойными гражданами с глубоким сочувствием к другим людям, он сочтет свою жизнь прожитой не даром. (Репортер обычно говорил: «Черт возьми, я верю вам, но, если я помещу это в статью, читатели подумают, что меня подкупили!» А Перо просто отвечал: «Меня это не заботит. Я скажу вам правду: вы же пишете, что вам заблагорассудится».) А дети пока что оказались такими, как отец этого хотел. Воспитание в условиях огромного богатства ничуть не избаловало их. Это казалось почти чудом.

В поисках билетов на подъемник на гору для детей, шерстяных носков и лосьона от загара суежилась особа, ответственная за это чудо, Марго Перо. Она была красива, мила, умна, утонченна и являла собой идеальную мать. Марго могла бы, если бы захотела, выйти замуж за кого-то типа Джона Кеннеди, Пола Ньюмена, принца Ренье или Рокфеллера. Вместо этого она влюбилась в Росса Перо из Тексаркана, штат Техас, ростом пять футов семь дюймов, с перебитым носом и пустыми карманами, но большими надеждами. Всю свою жизнь Перо верил в свою

счастливую звезду. Теперь, в возрасте сорока восьми лет, он мог оглянуться назад и увидеть, что самым счастливым приобретением, которое когда-либо попало в его руки в жизни, оказалась Марго.

Он был счастливым человеком со счастливой семьей, но в это Рождество на них упала тень. Мать Перо умирала. У нее была саркома кости. В канун Рождества престарелая женщина упала у себя в доме. Это было не сильное падение, но, поскольку рак ослабил ее кости, она сломала бедро, и ее пришлось срочно отвезти в больницу Бейлор в центре Далласа.

Сестра Перо, Бетт, провела ту ночь с матерью, затем в день Рождества Перо и Марго вместе с пятью детьми погрузили подарки в автомобиль-универсал и отправились в больницу. Бабушка была в таком хорошем настроении, что они все от души наслаждались этим днем. Однако старушка не пожелала видеть их на следующий день: ей было известно, что они планировали поехать кататься на лыжах, и настаивала на этой поездке, невзирая на свое заболевание. Марго с детьми выехали 26 декабря, но Перо задержался.

Затем последовала схватка характеров, такая, которую Перо вел со своей матерью в детстве. Лулу-Мэй Перо была ростом всего на дюйм-два более пяти футов и хрупкого телосложения, но ничуть не слабее сержанта морской пехоты. Мать заявила сыну, что тот много работает и нуждается в отдыхе. Перо ответил, что не хочет покидать ее. В конце концов, вмешались доктора и заявили ему, что он причиняет ей вред, оставаясь против ее воли. На следующий день Росс присоединился к своей семье в Вейле. Мать победила, как и всегда, когда сын был еще мальчишкой.

Одно из разногласий вспыхнуло по поводу поездки бойскаутов. В Тексаркане произошло наводнение, и скауты планировали разбить на три дня лагерь возле района бедствия и оказывать помощь пострадавшим. Юный Перо был твердо намерен поехать туда, но мать считала, что сын слишком юн и станет обузой для вожатого скаутов. Он приставал и приставал к ней, но мать всего лишь улыбалась и говорила «нет».

В тот раз Росс добился от нее уступки: ему было позволено поехать и помогать ставить палатки в первый день, но вечером он должен был вернуться домой. Компромисс незначительный, но сын был не в состоянии противостоять матери. Ему стоило только представить себе сцену, когда он заявится домой, и подумать о словах, которые выскажет, чтобы признаться, что не послушался ее – и Росс знал, что не сможет поступить таким образом.

Он ни разу не получал шлепка. Он не мог даже припомнить, чтобы на него кричали. Мать управляла им не с помощью страха. Со своими светлыми волосами, голубыми глазами и добрым нравом она связала своего сына – и его сестру Бетт – оковами любви. Мать всего лишь смотрела тебе в глаза и говорила, что следует делать, и ты просто не мог заставить себя причинить ей горе.

Даже в возрасте двадцати трех лет, когда Росс повидал мир и вновь возвратился в родное гнездо, мать имела обыкновение спрашивать: «С кем у тебя свидание сегодня вечером? Куда ты идешь? Когда ты вернешься?» И, когда сын возвращался домой, он всегда должен был поцеловать ее на ночь. Но в нынешнюю пору их столкновения стали немногочисленны и редки, ибо ее принципы настолько укоренились в нем, что стали его собственными. Лулу-Мэй правила своей семьей подобно конституционному монарху, облаченная во внешние атрибуты власти и легитимизируя людей, принимавших решения.

Перо унаследовал нечто большее, нежели ее принципы. Он также обладал ее железной волей. Он так же умел смотреть людям прямо в глаза. Он женился на женщине, напоминавшей ему мать. Блондинка с голубыми глазами, Марго, подобно Лулу-Мэй, обладала добрым нравом. Но Марго не подавляла Перо.

Любая мать обречена умереть, а Лулу-Мэй уже исполнилось восемьдесят два года, но Перо не мог воспринять это стоически. Мать все еще представляла собой значительную часть его жизни. Она больше не отдавала ему приказов, но всегда ободряла его. Мать поддерживала

его при основании «ЭДС» и была бухгалтером компании в первые годы ее существования, а также директором-основателем. Перо мог обсуждать с ней все проблемы. Он советовался с ней в декабре 1969 года, в самый разгар кампании по доведению до сведения широкой общественности тяжкой участи американских военнопленных в Северном Вьетнаме. Перо планировал лететь в Ханой, и его коллеги по «ЭДС» обратили его внимание на то, что, если он подвергнет свою жизнь опасности, цена акций «ЭДС» может упасть. Росс стоял перед нравственной дилеммой: обладал ли он правом заставлять держателей акций страдать, даже ради такого святого дела? Он задал этот вопрос своей матери. Ее ответ был дан без малейшего колебания: «Пусть они продают свои акции». Пленные умирали, и это было важнее, чем цены на акции «ЭДС».

Это было именно то заключение, к которому Перо пришел самостоятельно. Собственно говоря, ему не требовалось слышать от нее, что делать. Без нее сын останется тем же самым человеком и будет делать те же самые вещи. Он просто будет тосковать по ней, вот и все. Он будет действительно страшно тосковать по ней.

Но Перо не был склонен предаваться размышлениям. Сегодня он был не в состоянии сделать для нее хоть что-нибудь. Два года назад, когда с матерью случился удар, сын в воскресный полдень перевернул вверх дном весь Даллас, чтобы найти лучшего нейрохирурга города и привезти его в больницу. Он реагировал на кризис действием. Но если ничего нельзя было поделаться, Перо мог выбросить эту проблему из головы, похоронив дурные новости и перейдя к следующей задаче. Сын не будет теперь портить свой семейный отдых, расхаживая с траурным выражением лица. Он будет участвовать в развлечениях и играх и наслаждаться обществом своей жены и детей.

Его мысли прервал телефонный звонок, и он отправился на кухню, чтобы снять трубку.

– Росс Перо слушает, – промолвил он.

– Росс, это Билл Гейден.

– Привет, Билл. – Гейден принадлежал к числу ветеранов «ЭДС», ибо пришел в компанию в 1967 году. В некоторых отношениях он представлял собой типичного хозяйственника. Гейден был общительным мужчиной, этакий всеобщий друг и приятель. Ему нравились шутка, выпивка, хорошая сигара и партия в покер. Он обладал прямо-таки колдовскими способностями в области финансов, проявляя чрезвычайную ловкость в закупках, слияниях компаний и сделках, на основании чего Перо назначил его президентом «ЭДС Уорлд». Чувство юмора Гейдена было неистребимым – он ухитрялся находить что-то потешное даже в самых серьезных ситуациях, – но теперь голос его звучал мрачно.

– Росс, у нас проблема.

В «ЭДС» это выражение было расхожим. *У нас проблема.* Это означало дурные известия.

Гейден продолжил:

– Это насчет Пола и Билла.

Перо моментально понял, о чем идет речь. Уже та манера, в которой двум его руководящим работникам в Иране был прегражден путь для выезда из страны, выглядела в высшей степени зловещей, и эта история не выходила у него из головы, даже на фоне отхода его матери в мир иной.

– Но предполагалось, что сегодня им разрешат уехать.

– Их арестовали.

Гнев начался с образования небольшого твердого узелка в нижней части живота Перо.

– Послушай, Билл, меня заверили, что им позволят покинуть Иран, как только это собеседование закончится. Я хочу знать, как это произошло.

– Их просто бросили в тюрьму.

– С какими обвинениями?

– Они не указали обвинения.

– По какому закону их отправили в заключение?
– Они не сообщили.
– Что мы делаем, чтобы выволить их?
– Росс, они установили залог в девяносто миллионов туманов, это – двенадцать миллионов семьсот пятьдесят тысяч долларов.
– Двенадцать миллионов?
– Точно.
– Как же, черт побери, это случилось?
– Росс, я полчаса разговаривал по телефону с Ллойдом Бриггсом, пытаюсь понять это, но дело-то в том, что для Ллойда это тоже непостижимо.

Перо замолчал. Предполагалось, что сотрудники «ЭДС» должны давать ему ответы, а не задавать вопросы. Гейден был не настолько глуп, чтобы позвонить, не осведомившись предварительно обо всем в мельчайших подробностях. Перо не собирался именно сейчас выуживать из него что-то еще. Гейден просто не владел информацией.

– Вызови в офис Тома Люса, – приказал Перо. – Позвони в Госдеп в Вашингтоне. Эта история – вопрос первостепенной важности по сравнению со всем остальным. Я не хочу, чтобы они оставались еще хоть минуту в этой проклятой тюрьме!

* * *

Марго наострила ушки, как только услышала произнесенное слово «проклятая»: для мужа было чрезвычайно необычно употреблять крепкие выражения, в особенности в присутствии детей. Он вернулся из кухни с застывшим лицом. Его глаза голубизной напоминали арктические воды и излучали такой же холод. Ей был знаком этот взгляд. Это был не просто гнев: муж не принадлежал к числу людей, напрасно расходовавших свою энергию на проявление дурного нрава. Этот взгляд излучал негибкую целеустремленность. Он означал, что Росс решил сделать нечто и свернет горы, чтобы добиться этого. Марго увидела эту целеустремленность, эту силу, когда впервые встретила его в Военно-морской академии в Аннаполисе... неужели это случилось двадцать пять лет назад? Это было то качество, которое выделяло его из толпы, отличало его от человеческой массы. О, Росс обладал и другими качествами – он был сообразителен, весел, мог приманить птицу слететь к нему с дерева на руки, – но то, что делало его *исключительным*, была его сила воли. Когда у него появлялся этот взгляд, вы не могли остановить его точно так же, как нельзя остановить железнодорожный состав, катящийся по наклонной с горы.

– Иранцы засадили Пола и Билла в тюрьму, – сообщил он.

Мысли Марго тотчас же переключились на их жен. Она была знакома с обеими уже много лет. Рути Чьяппароне была невысокой безмятежной улыбающейся молодой женщиной с копной светлых волос. Она выглядела легкоранимым существом, пробуждавшим у мужчин желание защитить ее. Рути определенно примет все это близко к сердцу. Эмили Гейлорд была более стойкой, по крайней мере с виду. Худошавая блондинка Эмили излучала жизнерадостность и энергию, она бы наверняка захотела сесть в самолет и отправиться выволить Билла из тюрьмы. Разница между двумя этими женщинами проявлялась и в их одежде: Рути выбирала мягкие ткани и нежные очертания; Эмили предпочитала шикарный стиль и яркие краски. Эмили было присуще скрывать свои страдания.

– Я возвращаюсь в Даллас, – заявил Росс.

– На улице буран, – предупредила его Марго, глядя на снежные хлопья, вихрями несущиеся по склону горы. Она знала, что тратит слова впустую: ни снег, ни лед не остановят его теперь. Ее мысли уже забегали дальше: Росс не сможет долго усидеть за столом в Далласе, пока

двое из его работников томятся в иранской тюрьме. Он не поедет в Даллас, подумала Марго: он поедет в Иран.

– Я возьму машину с полным приводом, – бросил он. – Я еще успею на самолет в Денвере.

Марго подавила свои страхи и широко улыбнулась.

– Езжай осторожно, ладно? – умоляюще попросила она.

* * *

Перо пригнулся за рулем своего «Дженерал моторс сабербан», правя со всей возможной осторожностью. Дорога была покрыта льдом. Снег налипал на нижнюю часть лобового стекла, сужая поле деятельности «дворников». Он пристально уставился на дорогу впереди. Денвер находился на расстоянии 106 миль от Вейла. У него было достаточно времени для размышлений.

Перо все еще кипел от злости.

Причиной было не только то, что Пол и Билл сидели в тюрьме. Они попали в тюрьму потому, что поехали в Иран, а поехали в Иран, потому что туда отправил их Перо.

Иран беспокоил его уже в течение многих месяцев. Однажды, проведя бессонную ночь в думах о событиях в этой стране, он отправился в офис и заявил: «Давайте эвакуировать их. Если мы поступаем неправильно, наши потери составят всего стоимость трехсот или четырехсот авиабилетов. Займитесь этим сегодня же».

Это оказалось одним из тех редких случаев, когда его приказ не был выполнен. Все – и в Далласе, и в Тегеране – мешкали. Не сказать, что он винил их в этом. Если бы Перо проявил твердость, сотрудники были бы эвакуированы в тот же самый день; но он дал слабинку, а на следующий день затребовали паспорта этих двоих.

Во всяком случае, он был в большом долгу перед Полом и Биллом. Перо ощущал особый долг привязанности к людям, которые поставили на карту свою карьеру, поступив на работу в «ЭДС», когда та была еще начинающей компанией, боровшейся за свое место на рынке. Много раз он находил подходящего человека, с ним проводил собеседование, заинтересовывал его и предлагал ему место только с тем результатом, что, поговорив со своей семьей, этот кандидат приходил к выводу: «ЭДС» слишком мала, слишком молода, слишком подвержена риску.

Пол и Билл не только пошли на риск – эти ребята буквально бились головой об стену, дабы карта, на которую они поставили, выиграла. Билл спроектировал базовую компьютерную систему для управления программами «Медикезр» и «Медикэйд», которые, будучи использованными теперь во многих американских штатах, создали основу бизнеса «ЭДС». Он работал с утра до вечера, проводил недели вдали от дома и в те дни вынуждал свою семью перемещаться по всей стране. Пол проявил не меньшую преданность делу: когда в компании работало совсем мало людей, а с деньгами было туго, ему пришлось выполнять работу трех системных инженеров. Перо припомнил первый контракт компании в Нью-Йорке с «Пепсико» и Пола, идущего по Бруклинскому мосту в снегу, чтобы проскользнуть за ряды пикетчиков – завод бастовал – и приняться за работу.

Долг Перо состоял в том, чтобы *вызволить* Пола и Билла.

Его долгом было заставить правительство Соединенных Штатов обрушить весь вес своего влияния на иранцев.

Однажды Америка попросила у Перо помощи; и он положил три года своей жизни – и кучу денег – на кампанию в пользу военнопленных. Теперь Перо собирался просить Америку о помощи.

Его мысли вернулись к 1969 году, когда война во Вьетнаме была в разгаре. Некоторые из его друзей из Военно-морской академии были убиты или взяты в плен: Билл Лефтович, необыкновенно душевный, сильный, добрый человек, погиб в бою в возрасте тридцати девяти

лет; Билл Лоренс содержался в плену у северных вьетнамцев. Для Перо оказалось тяжело видеть свою страну, величайшую страну в мире, проигрывавшей войну из-за недостатка воли; и даже еще тяжелее видеть протесты миллионов американцев, не без основания полагавших, что война является несправедливой и ее не *следует* выигрывать. Тогда, как-то в 1969 году, он встретил маленького Билли Синглтона, мальчика, не знавшего, есть у него отец или нет. Отец Билли пропал во Вьетнаме еще до того, как увидел своего сына: никоим образом нельзя было узнать, находился он в плену или погиб. Это была душераздирающая история.

Душевное волнение не ввергало Перо в скорбное уныние, но становилось призывом трубы к действию.

Он узнал, что отец Билли представлял собой далеко не единственный случай. Существовало множество, возможно, сотни жен и детей, которые не знали, убиты или просто взяты в плен их мужья и отцы. Вьетнамцы, утверждая, что они не связаны положениями Женевской конвенции, поскольку Соединенные Штаты никогда не объявляли войну, отказывались называть имена своих пленных.

Что еще хуже, многие пленные умирали от жестокости и пренебрежения. Президент Никсон планировал «вьетнамизировать» войну и выйти из нее через три года, но к тому времени, по сообщениям ЦРУ, половина пленных была обречена умереть. Даже если отец Билли Синглтона был жив, он может не дожидаться возвращения домой.

Перо захотелось сделать хоть что-то.

«ЭДС» имела хорошие связи с Белым домом президента Никсона. Перо поехал в Вашингтон и поговорил с главным советником по зарубежной политике Генри Киссинджером. И у Киссинджера возник некий план.

Вьетнамцы утверждали, во всяком случае, с пропагандистскими целями, что они не были в ссоре с американским народом – только с правительством США. Более того, они изображали себя перед миром в образе маленького паренька в споре Давида с Голиафом. Похоже, они ценили свой облик в глазах общества. Представлялось возможным, думал Киссинджер, заставить их улучшить отношение к пленным и назвать их имена посредством международной кампании по опубликованию страданий пленных и их семей.

Эта кампания должна была быть профинансирована из частных источников и *выглядеть* совершенно не связанной с правительством, хотя на самом деле за ней осуществлялся пристальный надзор команды из персонала Белого дома и Госдепа.

Перо принял этот вызов. Перо мог устоять против всего, кроме вызова. Его учительница в одиннадцатом классе, некая миссис Дак, осознала это. «Как стыдно, – заявила миссис Дак, – что ты не такой хваткий, как твои друзья». Юный Перо настаивал, что он был таким же хватким, как и его друзья. «Хорошо, почему тогда у них отметки лучше твоих?» «Просто потому, что их интересует школа, а меня – нет, – объяснил Перо». «Любой может говорить мне, что они что-то могут, – сказала миссис Дак. – Но посмотри-ка, твои друзья могут добиться этого, а ты – нет». И это задело его за живое. Перо сказал ей, что все последующие шесть недель он будет круглым отличником. Он сделался круглым отличником не только на шесть недель, но и на остальное время своего пребывания в средней школе. Проницательная миссис Дак обнаружила единственный способ манипулировать Перо: бросить ему вызов.

Приняв вызов Киссинджера, Перо отправился на фирму Дж. Уолтера Томпсона, самое большое рекламное агентство в мире, и объяснил им, чего он хочет. Тамошние специалисты предложили подготовить в срок от тридцати до шестидесяти дней план, который через год даст некоторые результаты. Перо отверг эту идею: ему не терпелось начать все сегодня и увидеть результаты завтра. Он возвратился в Даллас и создал небольшую команду из числа руководящих сотрудников «ЭДС», которые принялись обзванивать редакции газет и размещать простые, незатейливые объявления, которые они сочиняли сами.

И почта начала поступать грузовиками. Для американцев, настроенных на ведение боевых действий, обращение с военнопленными показало, что вьетнамцы действительно были плохими парнями; а для тех, кто выступал против войны, тяжкая участь пленников была еще одной причиной для ухода из Вьетнама. Только наиболее ярые протестующие возмущались войной. В 1970 году ФБР уведомила Перо, что Вьетконг⁴ приказал «Черным пантерам»⁵ убить его. (На безумном исходе шестидесятых годов это не особо резало слух.) Перо нанял личных охранников. Вполне ожидаемо, несколькими неделями спустя шайка сорвиголов перелезла через забор, огораживавший семнадцатиастровый участок далласского владения Перо. Их принудили спастись бегством свирепые собаки. Семья Перо, включая его неукротимую мать, и слышать не хотела о том, чтобы он отказался от этой кампании ради их безопасности.

Его крупнейший рекламный трюк был пущен в ход в декабре 1969 года, когда он зафрахтовал два самолета и попытался вылететь в Ханой с рождественскими ужинами для военнопленных. Конечно, ему не разрешили приземлиться, но во время длительного новостного периода ему удалось создать огромную международную осведомленность об этой проблеме. Перо затратил два миллиона долларов, но счел, что услуги рекламного агентства обошлись бы во все шестьдесят. А заказанное им потом агентству Гэллапа исследование общественного мнения показало, что чувства американцев в отношении северовьетнамцев были в преобладающей степени отрицательными.

В течение 1970 года Перо использовал менее эффектные методы. Перед небольшими общинами по всем Соединенным Штатам ставились задачи проводить свои кампании по военнопленным. Они собирали деньги для направления людей в Париж, чтобы выступать там против делегации Северного Вьетнама. Они организовывали телемарафоны и строили копии клеток, в которых содержались некоторые военнопленные. Они посылали столько протестующих писем в Ханой, что почта Северного Вьетнама утонула под ними. Перо совершал агитационные поездки по стране, произнося речи везде, где его приглашали. Он встретился с северовьетнамскими дипломатами в Лаосе, прихватив с собой списки их людей, удерживаемых на юге, почту от них и фильмы об условиях их содержания. Он также привез с собой сотрудника агентства Гэллапа и вместе с ним сделал обзор опроса общественного мнения для северных вьетнамцев.

Кое-что или почти все сработало. Отношение к американским военнопленным улучшилось, до них стали доходить письма и посылки, а Северный Вьетнам начал называть имена. Более важным было то, что пленные узнали об этой кампании – от недавно попавших в плен американских солдат, – и эти новости чрезвычайно взбодрили их моральное состояние.

Восемью годами позже, направляясь в Денвер по снегу, Перо вспоминал другое последствие этой кампании, последствие, которое тогда казалось не более чем слегка раздражающим, но теперь могло стать важным и ценным. Реклама для военнопленных неизбежно значила рекламу для Росса Перо. Он достиг международной известности. Его запомнили в коридорах власти – и особенно в Пентагоне. Тогдашний надзорный комитет включал в себя адмирала Тома Мурера, тогдашнего председателя Объединенного комитета начальников штабов, Александра Хейга, тогда помощника Киссинджера, а ныне главнокомандующего силами НАТО; Уильяма Салливена, тогда заместителя государственного секретаря, а теперь посла США в Иране, и самого Киссинджера.

Эти люди помогут Перо проникнуть в правительство, узнать, что же происходит, и быстро оказать помощь. Он позвонит Ричарду Хелмсу, который в прошлом занимал должности как главы ЦРУ, так и посла США в Тегеране. Он свяжется с Кермитом Рузвельтом, сыном

⁴ Вьетконг – партизанское коммунистическое движение, выступавшее против армии Южного Вьетнама.

⁵ «Черные пантеры» – члены воинствующей политической организации, созданной в США в 1966 году для борьбы за права чернокожих.

Тедди, который был замешан в государственном перевороте ЦРУ, вернувшем шаха на его трон в 1953 году...

«А вдруг ничто из этого не сработает?» – мелькнуло у него в голове.

В его правилах было продумывать все дальше, чем на один шаг вперед. Что, если администрация Картера не сможет или не захочет оказать помощь?

Тогда, подумал он, я сам вытащу их из тюрьмы.

Как мы будем действовать в таком случае? Мы еще никогда не занимались чем-то подобным. С чего мы начнем? Кто мог бы нам помочь?

Ему пришли в голову имена руководящих работников «ЭДС», Мерва Стоффера и Т. Дж. Маркеса, а также его секретарши Салли Уолсер, которые были ключевыми фигурами в организации кампании по военнопленным. Их хлебом не корми, только дай волю организовывать замысловатые мероприятия по всему полушарию, висая на телефоне, но... вломиться в тюрьму? А кто будет выполнять эту задачу? С 1968 года кадровики «ЭДС» отдавали предпочтение ветеранам вьетнамской войны. Начало этой политике было положено из соображений патриотизма, и она нашла продолжение, когда Перо обнаружил, что из ветеранов зачастую получались первоклассные бизнесмены. Однако мужчины, которые некогда были сухощавыми, подтянутыми, в высшей степени вымуштрованными солдатами, теперь стали обрюзгшими, потерявшими форму руководящими сотрудниками компьютерной компании, чувствовавшими себя более сподручно с телефоном, нежели с винтовкой. И кто составит план и возглавит налет?

Подыскать наилучшую кандидатуру для данной задачи было специальностью Перо. Хотя глава «ЭДС» принадлежал к числу наиболее успешных людей, самостоятельно приобретших состояние в истории американского капитализма, он не являлся ни крупнейшим экспертом по компьютерам в мире, ни блестящим сбытовиком, ни даже лучшим управляющим бизнесом. Перо был в состоянии превосходно проделать лишь одну вещь: подобрать нужного человека, снабдить его ресурсами, дать мотивацию, а затем возложить на него одного выполнение задачи.

Теперь, подъезжая к Денверу, он задавал себе вопрос: кто является лучшим спасателем в мире?

Затем он подумал о «Быке» Саймонсе.

О легенде армии США, полковнике Артуре Д. «Быке» Саймонсе кричали заголовки газет в ноябре 1970 года, когда он с командой десантников совершил налет на тюремный лагерь Сон Тей, расположенный в тридцати трех милях от Ханоя, в попытке спасти американских военнопленных. Налет был дерзкой и хорошо организованной операцией, но разведданные, на основании которых было построено все планирование, оказались ошибочными. Всех военнопленных уже вывезли ранее, и они больше не находились в Сон Тей. Всеобщее мнение сочло налет провалом, что, с точки зрения Перо, было совершенно несправедливо. Его пригласили на встречу с участниками налета на Сон Тей, ибо надлежало поднять их моральный дух заверением, что по меньшей мере один американский гражданин благодарен им за их отвагу. Перо провел сутки в Форт Брэгг в Северной Каролине и познакомился с полковником Саймонсом.

Пристально вглядываясь в лобовое стекло, Перо мог представить себе Саймонса на фоне снежных хлопьев: дюжий мужчина, ростом почти шесть футов, с бычьими плечами. Его седые волосы были по-военному коротко подстрижены, но кустистые брови все еще сохранили черный цвет. С обеих сторон его крупного носа к уголкам рта залегли глубокие складки, сообщавшие его лицу неизменно агрессивное выражение. У него была большая голова, большие уши, сильная челюсть и самые могучие руки, которые когда-либо доводилось видеть Перо. Этот мужчина выглядел так, как будто был высечен из цельной гранитной глыбы.

Проведя с ним целый день, Перо пришел к выводу: в мире фальшивок он является единственной подлинной вещью. В тот день и в последующие годы Перо многое узнал о Саймонсе. Наибольшее впечатление произвело на него отношение людей Саймонса к своему командиру. Этот человек напоминал Перо Винса Ломбарди, легендарного тренера «Грин Бей Пэкерс»:

он внушал своим людям чувства, колеблющиеся в диапазоне от страха через уважение и восторг до любви. Полковник был импозантной фигурой и агрессивным командиром – он безбоянно сыпал ругательствами и говорил солдату: «Делай, что я говорю, или я снесу твою чертову башку!» – но это само по себе не могло объяснить его полное владение сердцами скептически настроенных, закаленных в битвах десантников. За грубой внешностью скрывалась огромная внутренняя сила.

Любимым занятием тех, кто служил под его командованием, было усесться и рассказывать истории о Саймонсе. Хотя он обладал бычьей внешностью, его кличка произошла не от этого, но, по легенде, от игры, которой развлекались рейнджеры под названием «Бычий загон». Выкапывали канаву глубиной шесть футов и туда спускался один человек. Целью игры было узнать, сколько человек смогут вышвырнуть первого из канавы. Саймонс считал игру дурацкой, но его как-то уломали сыграть в нее. Чтобы вытащить его, потребовалось пятнадцать человек, и несколько из них провели ночь в госпитале со сломанными пальцами, носами и тяжелыми ранами от укусов. После этого его и прозвали «Бык».

Перо позднее узнал, что многое в этой истории было преувеличено. Саймонс играл в нее несколько раз; обычно требовалось четыре человека, чтобы вытащить его, и ни у одного не было сломанных пальцев. Саймонс просто был тем типом человека, о котором слагают легенды. Он заслужил преданность своих людей не проявлением бравады, но своим мастерством военного командира. Полковник был дотошен и бесконечно терпелив при планировании; осторожен (одним из его ходовых выражений было: «Это риск, на который нет нужды идти») и гордился тем, что приводил всех своих людей с задания живыми.

Во вьетнамской войне Саймонс провел операцию «Белая звезда». Он отправился в Лаос со 107 бойцами и организовал двенадцать батальонов из соплеменников Мао, чтобы бороться с вьетнамцами. Один из батальонов переметнулся на вражескую сторону, захватив в качестве пленников нескольких «зеленых беретов» Саймонса. Саймонс поднялся на вертолете и приземлился на огороженной территории, где расположился изменнический батальон. Увидев Саймонса, лаосский полковник вышел вперед, стал по стойке «смирно» и отдал честь. Саймонс приказал ему немедленно выдать пленных, в противном случае он вызовет авиацию, которая совершит воздушный налет и сокрушит весь батальон. Полковник выдал пленных. Саймонс вернулся из Лаоса через три года со всеми своими 107 бойцами. Перо никогда не проверял истинность этой легенды – она нравилась ему такой, как ее рассказывали.

Во второй раз он встретился с Саймонсом после войны. Перо арендовал отель в Сан-Франциско и устроил на уик-энд вечеринку для возвратившихся военнопленных со встречей с участниками налета на Сон Тей. Это обошлось Перо в четверть миллиона долларов, но вечеринка вышла на славу. Приехали Нэнси Рейган, Клинт Иствуд и Джон Уэйн. Перо никогда не забыл встречу между Джоном Уэйном и «Быком» Саймонсом. Уэйн со слезами на глазах пожал руку Саймонса и прочувствованно произнес: «Вы – *на самом деле* истинно тот человек, которого я играю в фильмах».

Перед торжественным проездом по улицам Перо попросил Саймонса поговорить с его парнями и предостеречь их от реагирования на демонстрантов.

– Сан-Франциско изрядно переусердствовал по части антивоенных демонстраций, – объяснил Перо. – Вы ведь выбирали ваших парней не за красивые глаза. Если один из них поддастся раздражению, он может просто свернуть шею какому-нибудь бедолаге и потом пожалеть об этом.

Саймонс обдал Перо долгим взглядом. Это было в первый раз, когда Перо испытал на себе взгляд Саймонса. Возникало такое чувство, как будто вы представляете собой величайшего дурака в истории. Он заставлял вас пожалеть о произнесенных словах. У вас появлялось желание, чтобы земля разверзлась под вашими ногами и поглотила вас.

– Я уже потолковал с ними, – заверил его Саймонс. – Проблем не будет.

В тот уик-энд и позднее Перо лучше узнал Саймонса и увидел другие стороны его личности. Саймонс мог быть чрезвычайно обаятельным, когда хотел этого. Он очаровал жену Перо Марго, а дети сочли его просто чудесным. С мужчинами он разговаривал на языке солдата, не гнушаясь безбожно сквернословить, но оказывался на удивление красноречив, выступая на банкете или пресс-конференции. В колледже он специализировался на журналистике. Некоторые его вкусы были просты – он ящиками читал вестерны и наслаждался тем, что его сыновья называли «музыкой супермаркетов», – но также он много читал и серьезной литературы и живо интересовался самыми различными вещами. Он мог разговаривать об антиквариате и истории с такой же легкостью, как о сражениях и оружии.

Перо и Саймонс, две волевые, властные личности, ладили потому, что не посягали на сферу деятельности друг друга. Они не стали близкими друзьями. Перо никогда не называл Саймонса по имени – Арт (хотя именно так поступала Марго). Подобно большинству людей, Перо никогда не знал, о чем думает Саймонс, пока тот не сообразовал сказать ему об этом. Перо вспоминал их первую встречу в Форт Брэгге. Перед тем как подняться для произнесения речи, Перо спросил жену Саймонса Люсиль:

– Каков же на самом деле полковник Саймонс?

И она ответила:

– О, он просто большой игрушечный медвежонок.

Перо повторил это в своей речи. Участники налета просто повалились от смеха. Саймонс даже не улыбнулся.

Перо не знал, возьмется ли этот непроницаемый мужчина за освобождение двух сотрудников «ЭДС» из персидской тюрьмы. Был ли Саймонс благодарен за вечеринку в Сан-Франциско? Возможно. После этой вечеринки Перо профинансировал поездку Саймонса в Лаос на поиски пропавших без вести американских солдат, не возвратившихся вместе с военнопленными. Вернувшись из Лаоса, Саймонс заметил группе руководящих сотрудников «ЭДС»:

– Перо трудно отказать в чем-либо.

Въезжая в аэропорт Денвера, Перо задавался вопросом, все так же трудно по прошествии шести лет будет Саймонсу отказать ему?

Но такая возможность находилась далеко в конце длинного перечня. Перо предстояло вначале попробовать все другие варианты.

Он проследовал в терминал, купил билет на ближайший рейс в Даллас и нашел телефон. Перо позвонил в «ЭДС» и переговорил с Т. Дж. Маркесом, одним из его самых старых руководящих сотрудников, который был более известен как Т. Дж., нежели Том, поскольку в «ЭДС» работало множество Томов.

– Я хочу, чтобы ты нашел мой паспорт и получил для меня визу в Иран.

Т. Дж. ответил:

– Росс, я думаю, что это – прескверный замысел.

Если дать свободу Т. Дж., он был способен рассуждать до ночи.

– Я не собираюсь спорить с тобой, – оборвал его Перо. – Я уговорил Пола и Билла поехать туда и собираюсь вызволить их.

Он повесил трубку и отправился к выходу на рейс. С какой стороны ни глянь, Рождество оказалось паршивым.

* * *

Т. Дж. был несколько уязвлен. Как старый друг Перо, а также вице-президент «ЭДС», он не привык к тому, чтобы с ним разговаривали как с мальчиком на побегушках. Это была неизменная скверная черта Перо: когда тот разворачивал бурную деятельность, он наступал людям

на ноги и даже не обращал внимания на то, что причинил им боль. Росс был замечательным человеком, но ни в коем случае не святым.

II

У Рути Чьяппароне Рождество также выдалось скверным.

Она проживала у своих родителей в доме, построенном восемьдесят пять лет назад, в юго-восточной части Чикаго. В эвакуационной спешке в Иране она забыла большую часть рождественских подарков, приготовленных для дочерей – одиннадцатилетней Карин и пятилетней Энн-Мэри, – но вскоре после прибытия в Чикаго отправилась за покупками со своим братом Биллом и приобрела другие. Ее семья приложила все усилия к тому, чтобы сделать рождественский праздник веселым. Приехали ее сестра и три брата, Карен и Энн-Мэри получили еще много игрушек, но все спрашивали о Поле.

Рути нуждалась в Поле. Слабая, зависимая женщина, пятью годами моложе своего мужа – ей исполнилось тридцать четыре года, – она любила его отчасти потому, что могла спрятаться за его широкие плечи и почувствовать себя в безопасности. За ней всегда присматривали. Будучи ребенком, даже когда ее мать отсутствовала дома, уйдя на работу, – обеспечивая прибавку к заработку отца Рути, водителя грузовика, – Рути находилась под присмотром двух старших братьев и сестры.

Когда она впервые повстречалась с Полом, тот не обратил на нее никакого внимания.

Она была секретаршей полковника; Пол трудился над обработкой данных для армии в том же самом здании. Рути обычно спускалась вниз в кафетерий за кофе для полковника, некоторые из ее подруг были знакомы с молодыми офицерами, она подсаживалась поговорить с ними, а Пол был там и не обращал на нее никакого внимания. Так что девушка некоторое время игнорировала его, а потом он внезапно пригласил ее на свидание. Молодые люди встречались полтора года, а затем поженились.

Рути не хотела ехать в Иран. В отличие от многих жен сотрудников «ЭДС», находивших перспективу переезда в новую страну восхитительной, она была чрезвычайно обеспокоена. Рути никогда не выезжала за пределы Соединенных Штатов – Гавайи были самой крайней точкой ее путешествия, – а Ближний Восток казался таинственным и пугающим местом. Пол повез ее в Иран на неделю в июне 1977 года в надежде, что ей там понравится, но ее сомнения не рассеялись. В конце концов она согласилась ехать, но только потому, что эта работа была так важна для мужа.

Однако, в конце концов, ей понравилось в Тегеране. Иранцы хорошо относились к ней, американская община там была сплоченной и компанейской, а безмятежное состояние души Рути обеспечивало ей возможность спокойно справляться с повседневными неудобствами, присущими жизни в первобытной стране, такими как отсутствие супермаркетов и сложности отремонтировать стиральную машину менее чем за шесть недель.

Отъезд получился странным. Аэропорт был набит до отказа, там скопилось невероятное количество народа. Рути узнала многих американцев, но большинство пассажиров принадлежало к числу спасавшихся бегством иранцев. Ей подумалось: «Я не хочу уезжать таким образом – почему вы выталкиваете нас? Что вы делаете?» Она покидала Тегеран вместе с женой Билла Гейлорда Эмили. Они летели через Копенгаген, где провели ночь в гостинице с незакрывающимися окнами: детей пришлось уложить спать в одежде. Когда женщины вернулись в Штаты, Росс Перо навестил ее и рассказал о проблеме с паспортом, но Рути на самом деле не поняла, что происходит.

Во время угнетающего рождественского дня – было так противоестественно праздновать Рождество с детьми без их папочки – из Тегерана позвонил Пол.

- У меня есть для тебя подарок, – известил он жену.
- Твой авиабилет? – с надеждой вырвалось у нее.
- Нет. Я купил тебе ковер.

– Очень мило.

Муж сообщил ей, что провел этот день с Пэтом и Мэри Скалли, что чья-то жена приготовила рождественский ужин, и он наблюдал, как чьи-то дети распаковывают свои подарки.

Через два дня она услышала, что у Пола и Билла на следующий день должна состояться встреча с человеком, задерживавшим их в Иране. После этой встречи им разрешат уехать.

Встреча была назначена на сегодня, 28 декабря. К середине дня Рути начала мучать мысль, почему пока что никто не позвонил ей из Далласа. Разница по времени между Тегераном и Чикаго составляла восемь с половиной часов, наверняка встреча уже завершилась. Теперь Пол уже должен паковать свой чемодан для возвращения домой.

Она позвонила в Даллас и поговорила с Джоном Найфилером, сотрудником «ЭДС», который уехал из Тегерана в июне.

– Как прошла встреча? – поинтересовалась она у него.

– Не так уж хорошо, Рути...

– Что ты хочешь сказать тем, что она прошла нехорошо?

– Их арестовали.

– Их арестовали? Ты меня разыгрываешь!

– Рути, с тобой хочет поговорить Билл Гейден.

Рути сжала трубку в руке. Пол *арестован*? Почему? За что? Кем?

Гейден, президент «ЭДС Уорлд» и начальник Пола, соединился с ней.

– Привет, Рути.

– Билл, в чем дело?

– Мы никак не возьмем в толк, – признался Гейден. – Эту встречу устроило посольство, и предполагалось, что она является чистой проформой, их не обвиняли ни в каком преступлении... Потом, около половины седьмого по тегеранскому времени, Пол позвонил Ллойд Бригтсу и сказал ему, что их отправляют в тюрьму.

– Пол *в тюрьме*?

– Рути, прошу тебя, не принимай это слишком близко к сердцу. Над этим работает куча наших юристов, мы привлекли к этому делу Госдеп, и Росс уже находится на обратном пути из Колорадо. Мы уверены, что уладим это через пару дней. В самом деле, это всего лишь вопрос нескольких дней.

– Хорошо, – пролепетала Рути. Она была ошеломлена. Это звучало нелепо. Как мог ее муж оказаться в тюрьме? Она попрощалась с Гейденом и повесила трубку.

Что же там происходило?

* * *

В последний раз, когда Эмили Гейлорд видела своего мужа, она запустила в него тарелкой.

Когда она сидела в доме своей сестры Дороти в Вашингтоне, разговаривая с Дороти и ее мужем Тимом о том, как они могут помочь вызволить Билла из тюрьмы, эта летящая тарелка не выходила у нее из головы.

Это произошло в их доме в Тегеране. Как-то вечером в декабре Билл пришел домой и сказал, что Эмили вместе с детьми должны на следующий день вылететь в Штаты.

У Билла и Эмили было четверо детей: пятнадцатилетняя Вики, двенадцатилетняя Джеки, девятилетняя Дженни и шестилетний Крис. Эмили согласилась, что их следует отправить на родину, но ей самой хотелось остаться. Возможно, она будет не в состоянии помочь чем-либо Биллу, но, по крайней мере, ему будет с кем перекинуться словечком.

Билл заявил, что об этом не может быть и речи. Она уезжает завтра. Рути Чьяппароне полетит тем же самым рейсом. Все прочие жены и дети сотрудников «ЭДС» будут эвакуированы через день-два.

Они сцепились. Эмили распалялась все больше и больше, пока, в конце концов, не будучи в состоянии выразить свое огорчение, схватила тарелку и запустила ею в мужа.

Женщина была уверена, что мужу вовек не забыть этого: за восемнадцать лет супружества она впервые так вышла из себя. Эмили пребывала в постоянном напряжении подобно натянутой струне, была в высшей степени деятельна, легко возбуждалась, но ее нельзя было назвать неистовой.

Мягкий, ласковый Билл никак не заслужил такого отношения...

Когда Эмили впервые познакомилась с ним, ей было двенадцать лет, ему – четырнадцать, и она возненавидела его. Билл был влюблен в ее ближайшую подругу Куки, поразительно красивую девочку, и без умолку толковал о том, с кем Куки бегает на свидания, не захочется ли Куки пройтись и позволяют ли Куки сделать то или другое... Брату и сестре Эмили Билл решительно нравился. Она не могла избавиться от его общества, ибо их семьи принадлежали к тому же загородному клубу, а ее брат играл с Биллом в гольф. Именно ее брат наконец упросил Билла назначить ей свидание, долгое время спустя после того, как он предал забвению Куки; и после нескольких лет взаимного равнодушия девушка и юноша бешено влюбились друг в друга.

К тому времени Билл учился в колледже по специальности инженер-аэроавиатик за 240 миль в Блэксбурге, штат Виргиния, и приезжал домой на каникулы, а иногда на уик-энд. Они не могли переносить столь длительное расстояние, разлучавшее их, а потому, хотя Эмили было всего восемнадцать, молодые люди приняли решение пожениться.

Брак оказался удачным. Они происходили из одной среды богатых вашингтонских католических семей, и характер Билла – чувствительный, спокойный, логический – дополнял нервный живой нрав Эмили. В последующие восемнадцать лет им вместе пришлось пройти через многие испытания. Они потеряли ребенка с повреждением мозга, а Эмили была вынуждена перенести три серьезные хирургические операции. Эти несчастья еще больше их сблизили.

А теперь разразился новый кризис: Билл оказался в тюрьме.

Эмили еще не сообщила об этом своей матери. Брат матери, дядя Эмили Гас, умер в тот же день, и мать уже была ужасно расстроена. Эмили пока не могла разговаривать с ней о Билле. Но она могла излить душу Дороти и Тиму.

Ее свояк, Тим Риэрдон, был федеральным прокурором в департаменте юстиции и располагал очень хорошими связями. Отец Тима служил административным помощником президента Джона Ф. Кеннеди, а Тим работал на Теда Кеннеди. Тим также был лично знаком со спикером палаты представителей, Томасом П. «Типом» О'Нилом и сенатором от штата Мэриленд Чарльзом Маттисом. Ему была известна проблема с паспортами, ибо Эмили поведала ее ему, как только прилетела в Вашингтон из Тегерана, и он обсудил ее с Россом Перо.

– Я могу написать письмо президенту Картеру и попросить Теда Кеннеди лично вручить его, – предложил Тим.

Эмили согласно кивнула головой. Ей было трудно сосредоточиться. Ее мучили догадки, что же сейчас делает Билл.

* * *

Пол и Билл как раз стояли снаружи камеры № 9, замерзшие, окоченевшие и в отчаянии ожидавшие, что же произойдет с ними дальше.

Пол чувствовал себя особенно уязвимым: белый американец в деловом костюме, способный произнести всего несколько слов на фарси, перед лицом толпы заключенных, смахивав-

ших на головорезов и убийц. Он вдруг вспомнил прочитанное, что в тюрьме мужчин часто насилуют, и мрачно размышлял, каким образом он справится с чем-то подобного рода.

Пол взглянул на Билла. Его лицо побледнело от напряжения.

Один из заключенных заговорил с ними на фарси. Пол выдал из себя:

– Кто-нибудь здесь говорит по-английски?

Из другой камеры на противоположной стороне коридора отозвался голос:

– Я говорю по-английски.

Затем состоялся разговор из выкриков на фарси, и переводчик заорал:

– Какое у вас преступление?

– Мы ничего не совершили, – ответил Пол.

– В чем вас обвиняют?

– Ни в чем. Мы просто обыкновенные американские бизнесмены с женами и детьми и не знаем, почему мы в тюрьме.

Это было переведено. Затем последовала быстрая речь на фарси, далее переводчик сказал:

– Тот, кто разговаривает со мной, является старшим вашей камеры, потому что он находится в ней дольше всех.

– Понятно, – ответил Пол.

– Он укажет вам, где лечь спать.

По мере того как они разговаривали, напряженность несколько снизилась. Пол осмотрелся. Бетонные стены были некогда выкрашены в оранжевый цвет, но теперь они просто были грязными. Большую часть бетонного пола покрывало нечто вроде тонкого ковра или мата. Камера была оборудована трехъярусными койками, самое нижнее спальное место представляло собой не что иное, как тонкий матрас на полу. Комната освещалась единственной тусклой лампочкой и вентилировалась через решетку в стене, которая впускала морозный ночной воздух. Камера была набита до отказа.

Через некоторое время пришел охранник, открыл дверь камеры № 9 и жестом приказал Полу и Биллу выйти.

Вот оно, мелькнуло в голове у Пола, сейчас нас выпустят. Благодарение Богу, мне не придется проводить ночь в этой кошмарной камере.

Они последовали за охранником вверх в небольшую комнату. Он указал рукой на их обувь.

Они поняли, что обязаны снять свои башмаки.

Охранник дал каждому по паре пластиковых домашних тапочек. Пол с горьким разочарованием осознал, что им не предстоит освобождение: они *на самом деле* будут вынуждены провести ночь в тюрьме. Чьяппароне с гневом подумал о персонале посольства: именно они устроили встречу с Дадгаром, они отсоветовали Полу взять с собой юристов, они заверили, что Дадгар «благоприятно» к ним расположен. Росс Перо сказал бы в таком случае: «Некоторые люди не могут организовать похоронную процессию из двух автомобилей». Это точно относилось к посольству США. Его сотрудники просто проявили некомпетентность. Определенно, подумал Пол, после всех ошибок, которые они совершили, им следует *сегодня же* приехать сюда и попытаться выволить нас.

Пол и Билл надели пластиковые тапочки и последовали за охранником вниз. Прочие заключенные уже готовились отойти ко сну, расположившись на койках и завернувшись в тонкие шерстяные одеяла. Старший по камере, используя язык знаков, показал Полу и Биллу, где лечь. Биллу выделили среднюю койку в нарах, тогда как Пола разместили под ним, всего лишь с тонким матрасом между его телом и полом.

Они улеглись. Освещение не отключили, но оно было настолько тусклым, что это вряд ли имело какое-то значение. Через некоторое время Пол уже не замечал вони, но не мог при-

выкнуть к холоду. На бетонном полу, при открытом вентиляционном отверстии и без отопления, ощущение было таким, будто спишь на улице. Что за жуткую жизнь ведут преступники, будучи вынужденными выносить подобные условия, подумал Пол, отрадно, что я не преступник. Одной ночи такого рода более чем достаточно.

III

Росс Перо взял такси из далласского регионального аэропорта Форт Ворт до штаб-квартиры «ЭДС» в здании № 7171 на Форест-лейн. У ворот «ЭДС» он опустил боковое стекло, чтобы охранник увидел его лицо, затем вновь откинулся на спинку заднего сиденья, пока машина катилась с четверть мили через парк. Этот участок некогда принадлежал загородному клубу, и именно это место служило полем для игры в гольф. Впереди возвышалась штаб-квартира «ЭДС», восьмизэтажное офисное здание, а рядом с ним – устойчивый к разрушительным воздействиям торнадо бункер, в котором содержались огромные компьютеры с тысячами миль магнитной пленки.

Перо расплатился с шофером, вошел в офисное здание и поднялся в лифте на шестой этаж, где проследовал в угловой кабинет Гейдена.

Гейден восседал за своим столом. Этот человек всегда ухитрялся выглядеть неопрятно, невзирая на дресс-код «ЭДС». Он сбросил пиджак. Узел его галстука был ослаблен, воротник застегнутой на все пуговицы рубашки расстегнут, волосы всклокочены, а из уголка рта свисала сигарета. Когда Перо вошел, он встал.

- Росс, как чувствует себя твоя мать?
- Она в хорошем настроении, спасибо.
- Это здорово.

Перо сел.

- Ну, как продвинулись наши дела по Полу и Биллу?

Гейден снял телефонную трубку, промолвив:

– Дай-ка вызову сюда Т. Дж. – Он набрал номер Т. Дж. Маркеса и произнес: – Росс здесь... Да. В моем кабинете. – Он положил трубку и продолжил: – Он немедленно придет. Ух... Я позвонил в Госдеп. Начальника иранского отдела зовут Генри Пречт. Сначала он не соизволил ответить на мой звонок. В конце концов я предупредил его секретаря: «Если в течение двадцати минут он не позвонит мне, я позвоню в «Си-би-эс», «Эй-би-си» и «Эн-би-си», а еще через час Росс Перо даст пресс-конференцию, на которой заявит, что с двумя американцами в Иране приключилось несчастье и наша страна не желает помогать им». Пречт позвонил через пять минут.

- Что он сказал?

– Росс, основное отношение здесь таково, что, раз Пол и Билл угодили в тюрьму, они, должно быть, совершили нечто противоправное.

- Но что они-то собираются *делать*?
- Связаться с посольством, изучить этот вопрос, бла-бла-бла.

– Ну, тогда мы подсунем под хвост Пречту шутиху, – со злостью выпалил Перо. – Вот, это сделает Том Люс. – Люс, агрессивный молодой адвокат, был основателем далласской юридической фирмы «Хьюгс энд Хилл», которая занималась большей частью юридических проблем «ЭДС». Перо вот уже несколько лет пользовался его услугами в качестве советника «ЭДС». Он делал это в основном потому, что чувствовал сродство с молодым человеком, который, подобно ему самому, покинул крупную компанию, чтобы начать собственное дело и из кожи вон лез, дабы оплачивать собственные счета. Фирма «Хьюгс энд Хилл», как и «ЭДС», очень быстро выросла. Перо никогда не пожалел о том, что нанял Люса.

Гейден сообщил ему:

- Люс сейчас где-то здесь в здании.
- Как насчет Тома Уолтера?
- Он тоже здесь.

Уолтер, рослый уроженец Алабамы, с приторным как патока голосом, был главным финансовым директором «ЭДС» и, возможно, чисто с точки зрения мозгов самым умным в корпорации. Перо отчеканил:

– Я хочу, чтобы Уолтер засел за работу над залогом. Я не желаю платить его, но придется, если мы будем вынуждены это сделать. Уолтер должен обдумать, каким образом нам следует действовать по оплате. Можешь держать пари, что они не возьмут «Америкэн экспресс».

– Ясное дело, – отозвался Гейден.

Голос из-за спины Перо произнес:

– Привет, Росс!

Перо оглянулся и увидел Т. Дж. Маркеса. Т. Дж. был высоким стройным мужчиной с приятной внешностью испанца: кожа оливкового оттенка, короткие выющиеся черные волосы и широкая улыбка, обнажавшая множество белых зубов. Будучи самым первым работником, который поступил к Перо по найму, он являл собой живое свидетельство того, что Перо обладал сверхъестественным чутьем подбора хороших кадров. Теперь Т. Дж. вырос до вице-президента «ЭДС», а его личная доля в акциях компании оценивалась в миллионы долларов.

– Господь добр к нам, – имел обыкновение изрекать Т. Дж.

Перо знал, что родители Т. Дж. натуральным образом пускались во все тяжкие, чтобы послать его в колледж. Их жертвы были вознаграждены сторицей. Одной из лучших сторон в стремительном успехе «ЭДС» для Перо было делить триумф с людьми вроде Т. Дж.

Т. Дж. сел и тотчас же затараторил:

– Я позвонил Клоду.

Перо кивнул. Клод Чэппелиэр был адвокатом, работавшим в компании.

– Клод в приятельских отношениях с Мэтью Нимицем, советником государственного секретаря Вэнса. Я подумал, что Клод сможет уломать Нимица поговорить с самим Вэнсом. Нимиц перезвонил лично немного позже. Он хочет помочь нам и собирается послать телеграмму от имени Вэнса в посольство США в Тегеране, чтобы они стали на уши. И еще он собирается написать личную докладную Вэнсу о Поле и Билле.

– Хорошо.

– Мы также связались с адмиралом Мурером. Он в курсе по ускорению этого дела, поскольку мы консультировались у него по проблеме паспортов. Мурер собирается поговорить с Ардеширом Захеи. Дело-то в том, что Захеи не только посол Ирана в Вашингтоне, но также и свояк шаха, и теперь он возвратился в Иран – некоторые говорят, что для управления страной. Мурер попросит Захеи поручиться за Пола и Билла. Прямо сейчас мы составляем телеграмму для Захеи, чтобы послать ее в Министерство юстиции.

– Кто составляет ее?

– Том Люс.

– Ясно, – подвел итог Перо. – Мы задействовали госсекретаря, начальника отдела Ирана, посольство и посла Ирана для работы по этому делу. Это неплохо. Теперь давайте поговорим о том, что еще мы можем сделать.

Вклинился Т. Дж.:

– Том Люс и Том Уолтер завтра встречаются в Вашингтоне с адмиралом Мурером. Мурер также предложил нам связаться с Ричардом Хелмсом – он служил послом в Иране после того, как покинул ЦРУ.

– Хелмсу позвоню я, – решил Перо. – И я позвоню Элу Хейгу и Генри Киссинджеру. Я хочу, чтобы вы сосредоточились на вызволении наших людей из Ирана.

Гейден осторожно промолвил:

– Росс, я не уверен, что это необходимо...

– Мне не нужны дискуссии, Билл, – отрезал Перо. – Давайте провернем это дело. Сейчас Ллойд Бриггс должен оставаться там и работать над заданием: поскольку Пол и Билл в тюрьме, шефом будет он. Все должны вернуться на родину.

– Ты не можешь заставить их вернуться, если они не желают, – заметил Гейден.

– Кто хочет остаться?

– Рич Галлахер. Его жена...

– Знаю. О'кей, остаются Бриггс и Галлахер и ни одним человеком больше. – Перо поднялся. – Я начну с этих звонков.

Он поднялся в лифте на восьмой этаж и прошел через приемную своей секретарши. Салли Уолсер сидела за столом. Она проработала с ним многие годы и была привлечена к кампании по военнопленным и организации вечеринок в Сан-Франциско. (Салли вернулась с этого уик-энда в сопровождении участника налета на Сон Тей, и теперь капитан Удо Уолсер был ее мужем.) Перо сказал ей:

– Соедини меня с Генри Киссинджером, Александром Хейгом и Ричардом Хелмсом.

Он прошел в собственный кабинет и сел за стол. Этот кабинет со стенами, обшитыми панелями, дорогим ковром и полками, забитыми антикварными книгами, больше смахивал на викторианскую библиотеку в английском загородном доме. Перо здесь окружали сувениры и любимое искусство. Для дома Марго покупала произведения импрессионистов, но в своем кабинете муж предпочитал американское искусство: оригиналы Нормана Рокуэлла и бронзовые статуэтки из истории Дикого Запада Фредерика Ремингтона. Окно кабинета выходило на склоны бывшей площадки для игры в гольф. Перо не знал, где проводит праздники Генри Киссинджер: у Салли должно было уйти некоторое время на его поиски. У него было время подумать о том, что же сказать ему. Киссинджер не принадлежал к числу его близких друзей. Ему придется призвать на помощь все свое искусство сбытовика, чтобы завладеть вниманием Киссинджера и за короткое время одного телефонного разговора пробудить в нем сочувствие.

Телефон на столе зажужжал, и Салли известила его:

– Вас вызывает Генри Киссинджер.

Перо поднял трубку:

– Росс Перо.

– Я соединяю вас с Генри Киссинджером.

Перо ждал.

Киссинджера как-то называли самым могущественным человеком в мире. Он был лично знаком с шахом. Но насколько хорошо помнил он Росса Перо? Кампания по освобождению военнопленных была важной, но проекты Киссинджера принадлежали к разряду намного более крупных: мир на Ближнем Востоке, сближение между США и Китаем, окончание войны во Вьетнаме...

– Киссинджер слушает. – Это был знакомый низкий голос, его выговор представлял собой любопытную смесь американских гласных и немецких согласных.

– Доктор Киссинджер, – говорит Росс Перо. – Я – бизнесмен из Далласа, Техас, и...

– Черт возьми, Росс, я знаю, кто вы такой.

Сердце Перо подпрыгнуло. Голос Киссинджера звучал тепло, по-дружески и неофициально. Это было великолепно! Перо начал рассказывать ему о Поле и Билле: как они добровольно отправились посетить Дадгара, как Госдеп бросил их на произвол судьбы. Он заверил Киссинджера, что его сотрудники были невиновны, и подчеркнул, что им не было предъявлено обвинение в каком-либо преступлении, к тому же иранцы не выдвинули против них ни малейшей улики.

– Это – мои люди, я отправил их туда и должен вернуть их, – закончил он.

– Я подумаю, что смогу сделать, – пообещал Киссинджер.

Перо возликовал.

- Безусловно, я оценю это!
- Направьте мне короткую пояснительную записку со всеми подробностями.
- Мы доставим ее вам сегодня.
- Я позвоню вам, Росс.
- Благодарю вас, сэр.

Перо чувствовал себя просто потрясаяще. Киссинджер помнил его, проявил дружелюбие и готовность оказать помощь. Он хотел получить пояснительную записку: «ЭДС» может выслать ее сегодня же.

Внезапно Перо поразила одна мысль. Он представления не имел, откуда Киссинджер разговаривал с ним, – это мог быть Лондон, Монте-Карло, Мексика...

- Салли?
- Да, сэр?
- Вы узнали, где находится мистер Киссинджер?
- Да, сэр.

* * *

Киссинджер находился в Нью-Йорке, в своей квартире, расположенной на двух этажах, в эксклюзивном жилом комплексе «Ривер-хаус» на Восточной 52-й улице. Из окна он мог любоваться Ист-Ривер.

Он отчетливо помнил Росса Перо. Перо был необработанным алмазом. Он помогал в делах, к которым благосклонно относился Киссинджер, – обычно связанным с военнопленными. Во вьетнамской войне кампания Перо была отважной, хотя временами он даже раздражал Киссинджера своей энергией, выходящей за пределы возможного. Теперь какие-то из сотрудников Перо сами стали пленниками.

Киссинджер охотно верил, что эти люди были невиновны. Иран пребывал на грани гражданской войны: правосудие и надлежащий процесс теперь не имели там никакого значения. Его мучил вопрос, в состоянии ли он вообще оказать какое-то содействие. Киссинджеру хотелось помочь, ибо это было благое дело. Он уже больше не состоял в своей должности, но у него остались друзья. Киссинджер решил, что позвонит Ардеширу Захеде, как только из Далласа поступит пояснительная записка.

* * *

После разговора с Киссинджером Перо пребывал в отличном настроении. *«Черт возьми, Росс, я знаю кто вы такой»*. Это стоило дороже денег. Единственным преимуществом быть знаменитым являлось то, что иногда это помогало обстряпывать важные дела.

В кабинете появился Т. Дж.

– Твой паспорт у меня, – сообщил он. – В нем уже стоит иранская виза, но, Росс, я не думаю, что тебе следует туда лететь. Мы все можем работать над этой проблемой, но ты являешься ключевым человеком. Самое последнее, что нам необходимо сейчас, так это потерять связь с тобой – в Тегеране или где-то в самолете – в тот самый момент, когда нам придется принимать критическое решение.

Перо начисто забыл все о поездке в Тегеран. То, что он услышал за последний час, настроило его на мысль, что такой необходимости не возникнет.

– Возможно, ты прав, – изрек он. – У нас столько дел в области переговоров – и только один вариант может сработать. Я не поеду в Тегеран. Пока.

IV

Генри Пречт, вероятно, был самым запуганным человеком в Вашингтоне.

Давно пребывавший на службе чиновник Госдепа со склонностью к искусству и философии и эксцентричным чувством юмора, он проводил американскую политику в Иране более или менее собственными силами большую часть 1978 года, тогда как его начальники – вплоть до президента Картера – сосредоточились на Кэмп-Дэвидском соглашении между Египтом и Израилем.

С начала ноября, когда обстановка в Иране действительно начала накаляться, Пречт работал по семь дней в неделю с восьми утра до девяти вечера. А эти полоумные техасцы, похоже, считали, что ему делать нечего, кроме того, чтобы разговаривать с ними по телефону.

Беда заключалась в том, что кризис в Иране был не единственной борьбой сил, о которой был вынужден беспокоиться Пречт. В Вашингтоне разворачивалась другая битва, между государственным секретарем Сайрусом Вэнсом – шефом Пречта – и Збигневом Бжезинским, советником по национальной безопасности президента.

Вэнс, подобно президенту Картеру, считал, что американская иностранная политика должна отражать американскую нравственность. Американский народ верил в свободу, справедливость, демократию и не желал поддерживать тиранов. Шах Ирана был тираном. «Эмнести интернэшнэл» признала показатели Ирана по правам человека наихудшими в мире, а многие сообщения о систематическом использовании шахом пыток были подтверждены «Международной комиссией юристов». С тех пор, как ЦРУ привело шаха к власти, а США поддержали его, президенту, который так пространно распинаясь о правах человека, надлежало принять какие-то меры.

В январе 1977 года Картер намекнул, что тиранам могут отказать в американской помощи. Картер действовал нерешительно – позже в том же году он посетил Иран и излился в похвалах шаху, – но Вэнс верил в подход на основе прав человека.

Збигнев Бжезинский же не верил. Советник по национальной безопасности верил в силу. Шах был союзником Соединенных Штатов, и его следовало поддержать. Несомненно, его следует подвинуть на то, чтобы прекратить пытать людей, но попозже. На его режим шла атака: пока не приспело время либерализовать его.

– А когда оно приспее? – вопрошали сторонники Вэнса. Шах обладал могуществом в течение большей части своего двадцатипятилетнего царствования, но никогда не проявлял особой склонности к умеренному правлению. На этот вопрос Бжезинский отвечал так:

– Назовите хоть одно-единственное умеренное правление в этом регионе земного шара.

В правительстве Картера были личности, полагавшие, что, если Америка не выступает за свободу и демократию, нет смысла вообще заниматься иностранной политикой. Но это был несколько крайний подход, так что они опирались на прагматический довод: иранский народ был по горло сыт шахом и собирался сбросить его независимо от того, что думает Вашингтон.

– Чушь, – заявил Бжезинский. – Читайте историю. Революции протекают успешно, когда правители делают уступки, и проваливаются, когда власть предрежающие сокрушают восставших железным кулаком. Иранская армия числом в четыреста тысяч легко может подавить любое восстание.

Фракция Вэнса, включая Генри Пречта, не была согласна с теорией революций Бжезинского: тираны, которым угрожают, делают уступки, потому что мятежники сильны, а не наоборот, утверждали они. Что более важно, они не верили, что иранская армия состояла из четырехсот тысяч человек. Узнать точные цифры было затруднительно, но солдаты дезертировали со скоростью, колебавшейся вокруг восьми процентов в месяц, и существовали целые

подразделения, которые в случае всеобщей гражданской войны наверняка полностью перейдут на сторону революционеров.

Обе вашингтонские фракции получали свою информацию из различных источников. Бжезинский прислушивался к Ардеширу Захеда, зятю шаха и самой могущественной прошахской фигуре в Иране. Вэнс черпал свою информацию у посла Салливена. Телеграммы Салливена не были столь последовательными, как того хотел бы Вашингтон, возможно, потому что положение в Иране было несколько запутанным, но с сентября общая тенденция в его отчетах свидетельствовала о том, что шах обречен.

Бжезинский настаивал, что Салливен рехнулся и ему нельзя доверять. Сторонники Вэнса утверждали, что Бжезинский разделяется с плохими новостями посредством убийства гонца.

Результатом стало то, что Соединенные Штаты не предпринимали никаких действий. Как-то раз Госдеп составил проект телеграммы послу Саллиvenu, приказывая ему настоятельно побудить шаха сформировать коалиционное правительство на широкой гражданской основе: Бжезинский отменил эту телеграмму. В другой раз Бжезинский позвонил шаху и заверил его в поддержке президента Картера; шах запросил подтверждающую телеграмму; Госдеп такую телеграмму не послал. В приступе расстройств обе стороны дали утечку материала в газеты, так что весь мир был в курсе, что политика Вашингтона по Ирану была парализована внутренней борьбой.

Со всем этим происходящим Пречту не хватало на своей шее только своры техасцев, воображавших, что они являются единственными на свете людьми с насущными проблемами.

Помимо этого, думал он, ему известно, почему именно «ЭДС» попала в беду. На вопрос, была ли представлена «ЭДС» в Иране каким-то агентом, ему сказали: «Да – господином Абулфатхом Махви». Это объясняло все. Махви был хорошо известным тегеранским посредником по кличке «пятипроцентный король» за его сделки в сфере военных контрактов. Невзирая на его связи на высоком уровне, шах внес этого дельца в черный список людей, которым запрещалось заниматься бизнесом в Иране. Именно по этой причине «ЭДС» подозревали в коррупции.

Пречт сделает то, что сможет. Он обяжет посольство в Тегеране разобраться с этим делом, и, возможно, посол Салливен будет в состоянии оказать давление на иранцев, дабы они освободили Чьяппароне и Гейлорда. Но не могло быть и речи о том, чтобы Соединенные Штаты отодвинули все прочие иранские проблемы на второй план. Они старались поддержать существующий режим, и данный момент был неподходящим для дальнейшего выведения режима из равновесия угрозой разрыва дипломатических отношений по причине двух бизнесменов, угодивших в тюрьму, в особенности когда в Иране находились еще двенадцать тысяч граждан США и предполагалось, что заботы о них относятся к компетенции Госдепа. Это выглядело прискорбным невезением, но Чьяппароне и Гейлорду придется потерпеть.

* * *

Генри Пречт имел благие намерения. Однако на ранней стадии своего подключения к делу Пола и Билла он, подобно Лу Гёлцу, совершил ошибку, которая первоначально ложным образом окрасила его отношение к этой проблеме и позже заставила его занять оборонительную позицию во всех его делах с «ЭДС». Пречт действовал таким образом, будто расследование, в котором Полу и Биллу предназначалась роль свидетелей, было законным юридическим расследованием по обвинению в коррупции, а не ничем не прикрытым актом шантажа. Гёлц, по этому предположению, решил сотрудничать с генералом Биглари. Пречт, совершив ту же ошибку, отказался считать Пола и Билла похищенными американцами.

Был ли Абулфатх Махви коррумпирован или нет, но факт остается фактом: он не заработал ни гроша на контракте «ЭДС» с Министерством здравоохранения. На самом деле «ЭДС»

нажило проблемы в самом начале своей деятельности за отказ поделить с Махви частью доходов с этой сделки.

Дело обстоит следующим образом. Махви помог «ЭДС» получить ее первый небольшой контракт в Иране на создание системы управления документацией для иранского военно-морского флота. «ЭДС» на основании закона, что она обязана иметь местного партнера, пообещала Махви треть прибыли. Когда контракт был закончен двумя годами позже, «ЭДС» должным образом выплатила Махви четыреста тысяч долларов.

Но, пока велись переговоры с Министерством здравоохранения, Махви внесли в черный список. Тем не менее, когда сделка была готова для подписи, Махви, который в ту пору вновь был исключен из черного списка, потребовал, чтобы контракт был передан совместной компании, принадлежавшей ему и «ЭДС».

«ЭДС» отказалась. Тогда как Махви заработал свою долю прибыли на контракте военно-морского флота, он и пальцем не пошевелил для заключения сделки с Министерством здравоохранения.

Махви утверждал, что сотрудничество «ЭДС» с ним расчистило путь для прохождения контракта с министерством через двадцать четыре различных правительственных ведомства, которым надлежало утвердить его. Более того, настаивал он, при его содействии была получена благоприятная норма исчисления налогов для «ЭДС», включенная в контракт. «ЭДС» предоставили эту норму потому, что Махви провел отдых с министром финансов в Монте-Карло.

«ЭДС» не обращалась к нему за помощью и не верила, что он оказал ее. Более того, Россу Перо не нравился такой вид «помощи», который осуществляется в Монте-Карло.

Иранский адвокат «ЭДС» пожаловался премьер-министру, и Махви «вызвали на ковер» за вымогательство взятки. Тем не менее его влияние было столь велико, что Министерство здравоохранения не захотело подписывать контракт, пока «ЭДС» не убоготворит эту особу.

«ЭДС» провела ряд бурных переговоров с Махви. «ЭДС» все еще наотрез отказывалась делиться с ним прибылью. В конце концов был найден компромисс, позволявший сохранить лицо, а именно: создание совместной компании, выступавшей в роли субподрядчика «ЭДС», которая наберет и примет на работу весь иранский персонал корпорации. На самом деле совместная компания никогда не давала дохода, но это выяснилось позже. В то время Махви принял этот компромисс, и контракт с министерством был подписан.

Так что «ЭДС» не платила никаких взяток, и иранскому правительству это было известно; но этого не знали ни Генри Пречт, ни Лу Гёлц. Вследствие этого их отношение к Полу и Биллу было двойственным. Оба посвятили много часов этому делу, но ни один не присвоил ему степень первостепенной важности. Когда деятельный адвокат «ЭДС» Том Люс стал обращаться с ними таким образом, как будто эти чиновники либо работают спустя рукава, либо просто глупы, оба возмутились и заявили, что дело пойдет лучше, если тот от них отвяжется.

Пречт в Вашингтоне и Гёлц в Тегеране были главными из числа рядовых служаков, имевших дело с этой проблемой. Их нельзя было назвать бездеятельными. Их нельзя было назвать некомпетентными. Но они оба совершили ошибки, оба стали проявлять некоторую враждебность к «ЭДС», и оба в эти чрезвычайно важные первые дни не смогли помочь Полу и Биллу.

Глава третья

I

Охранник отпер дверь камеры, осмотрелся, указал на Пола и Билла и жестом подозвал их к себе.

Надежды Билла возродились. Вот теперь-то их освободят!

Они встали и последовали за охранником наверх. Было здорово увидеть солнечный свет, проникавший через окна. Они вышли из здания и пересекли двор в направлении небольшого двухэтажного строения около входных ворот. Свежий воздух обладал райским привкусом.

Эта ночь была ужасной. Билл лежал на тонком матрасе, время от времени впадая в дрему, вздрагивая от малейших движений других заключенных, тревожно осматриваясь в тусклом свете лампочки, не гаснувшей всю ночь. Он понял, что настало утро, когда явился охранник со стаканами чая и ломтями хлеба на завтрак. Билл не испытывал голода и читал молитвы, перебирая четки. Теперь, похоже, его молитвы были услышаны.

Внутри двухэтажного строения находилась комната для свиданий, обставленная простыми столами и стульями, там их ожидали два человека. Билл узнал одного из них: это был Али Джордан, иранец, работавший с Лу Гёлцем в посольстве. Он пожал обоим руки и представил своего коллегу, Боба Соренсена.

– Мы привезли вам кое-что, – обрадовал их Джордан. – Электробритву на батарейках – вам придется пользоваться ею вместе – и полукOMBинезоны.

Билл посмотрел на Пола. Пол уставился на обоих служащих посольства, как будто ожидал, что они вот-вот взорвутся.

– Вы не собираетесь вызволять нас отсюда? – возмутился Пол.

– Я боюсь, что мы не сможем сделать этого.

– Черт побери, вы же загнали нас сюда!

Билл медленно сел, слишком подавленный, чтобы негодовать.

– Мы чрезвычайно сожалеем о том, что произошло, – пустился в объяснения Джордан. – Для нас это явилось настоящим сюрпризом. Нам сказали, что Дадгар был благосклонно расположен к вам... Посольство готовит чрезвычайно серьезный протест.

– Но что вы делаете, чтобы *вызволить* нас?

– Вы должны действовать через иранскую юридическую систему. Ваши адвокаты...

– Боже всемогущий, – с отвращением выдохнул Пол.

Джордан попытался подбодрить его:

– Мы попросили их перевести вас в лучшую часть тюрьмы.

– Вот это да! Спасибо.

Соренсен поинтересовался:

– Итак, не хотите ли вы еще что-нибудь?

– Мне ничего не нужно, – отрезал Пол. – Я не планирую застрять здесь надолго.

Билл попросил:

– Я бы хотел получить глазные капли.

– Прослежу, чтобы вам их передали, – пообещал Соренсен.

Джордан протянул:

– Ну, думаю, на сегодня это все... – Он взглянул на охранника.

Билл встал.

Джордан поговорил на фарси с охранником, который жестом указал Полу и Биллу двигаться в направлении двери.

Они проследовали за охранником обратно через двор. Джордан и Соренсен принадлежали к числу служащих посольства низшего ранга. Билл пораскинул мозгами. Почему не явился Гёльц? Похоже, посольство считало их освобождение из тюрьмы делом «ЭДС». Визит Джордана и Соренсена явно был способом известить иранцев, что посольство обеспокоено, но одновременно дать Полу и Биллу почувствовать, что им не стоит ожидать большой помощи от правительства США. Мы представляем собой проблему, которую посольство хочет проигнорировать, сердито подумал Билл.

Внутри главного здания охранник открыл дверь, через которую заключенные до этого не проходили, и они вышли из приемного помещения в коридор. Справа располагались три кабинета. Слева – окна, выходившие во двор. Пол и Билл подошли к другой двери, изготовленной из толстой стали. Охранник отпер ее и впустил заключенных внутрь.

Первое, что увидел Билл, был телевизор.

Оглянувшись по сторонам, он почувствовал себя несколько лучше. Эта часть тюрьмы была более цивилизованной, нежели подвал. Она была относительно светлой и чистой, с серыми стенами и серым ковром. Двери камер были открыты, и заключенные свободно расхаживали повсюду. Через окна лился дневной свет.

Они прошли дальше по холлу с двумя камерами справа и слева, чем-то смахивающими на ванную комнату. После ночи, проведенной в подвале, Билл с нетерпением ожидал возможности привести себя в порядок. Заглянув в последнюю дверь справа, он увидел полки с книгами. Затем охранник повернул налево и повел их по длинному узкому коридору в последнюю камеру.

Там они увидели некую личность, им известную.

Это был Реза Негхабат, замминистра, ответственный за организацию социального страхования в Министерстве здравоохранения. И Пол, и Билл были хорошо знакомы с ним и тесно сотрудничали до своего ареста. Они обменялись крепкими рукопожатиями. Биллу стало легче, когда он увидел знакомое лицо и кого-то, кто говорил по-английски.

Негхабат был удивлен:

– Почему вы находитесь здесь?

Пол пожал плечами:

– Я надеялся, что вы сможете объяснить нам это.

– Но в чем вас обвиняют?

– Ни в чем, – сказал Пол. – Вчера нас допросил господин Дадгар, следовательно, ведущий дело вашего бывшего министра, доктора Шейха. Он нас арестовал. Никаких обвинений. Предполагается, что мы представляем собой «важных свидетелей».

Билл осмотрелся по сторонам. На каждой стороне камеры стояли по две пары трехъярусных кроватей, еще одна у окна, всего на восемнадцать мест. Как и в камере в подвале, койки были оснащены тонкими резиновыми матрасами, нижнее место представляло собой всего лишь матрас на полу, покрытием служили серые шерстяные одеяла. Однако, похоже, у некоторых заключенных здесь были также и простыни. Окно напротив двери выходило во двор. Билл мог видеть траву, цветы и деревья, а также припаркованные автомобили, предположительно принадлежавшие охранникам. Видно было и невысокое здание, где они только что разговаривали с Джорданом и Соренсеном.

Негхабат познакомил Пола и Билла с их сокамерниками, которые вроде бы выглядели дружелюбными и намного менее отталкивающими, нежели их товарищи по несчастью в подвале. Было несколько свободных мест – эта камера оказалась не так набита людьми, как подвальная, – и Пол и Билл заняли койки по обеим сторонам двери. Билл попал на средний из трех ярусов, а Пол вновь оказался на полу.

Негхабат ознакомил их со всеми помещениями. Рядом с их камерой находилась кухня со столами и стульями, где заключенные могли сварить кофе или приготовить чай, да и просто

посидеть и побеседовать. По какой-то причине ее называли «комната Чатануга». Помимо этого в стене в конце коридора было окошко: там находился ларек. Негхабат объяснил, что в нем иногда можно купить мыло, полотенца и сигареты.

Возвращаясь обратно по длинному коридору, они прошли мимо собственной камеры – № 5 – и еще двух других камер, а потом очутились в холле, который протянулся далеко вправо от них. Комната, в которую Билл заглянул раньше, оказалась гибридом помещения для охранников и библиотеки с книгами как на английском языке, так и на фарси. Рядом с ней были еще две камеры. Напротив этих камер находилась ванная комната с раковинами, душем и туалетом. Туалет был в персидском духе – нечто вроде душевого поддона с отверстием для стока в середине. Билл узнал, что вряд ли примет душ, как мечтал: как правило, горячей воды не было.

Негхабат сказал, что за стальной дверью находилось небольшое помещение, использовавшееся приходящим врачом и стоматологом. Библиотека была постоянно открыта, а телевизор включен на весь вечер, хотя, конечно же, все вещание было на фарси. Дважды в неделю заключенных из этого отделения выводили во двор для прогулки по кругу в течение получаса. Бритье было обязательным: охранники разрешали носить усы, но не бороды.

Во время обхода они повстречали еще двух мужчин, с которыми были знакомы. Одним оказался доктор Товлиати, консультант по обработке данных министерства, о котором Дадгар допытывался у них. Другим – Хуссейн Паша, финансист Негхабата в организации социального обеспечения.

Пол и Билл побрились электробритвой, принесенной Соренсеном и Джорданом. Затем настало послеполуденное время и время для обеда. В стене коридора была устроена ниша, закрытая занавеской. Оттуда заключенные брали циновку из линолеума, которую надлежало расстилать на полу, и дешевую посуду. Подали горячий рис с небольшим количеством баранины, плюс хлеб и йогурт, а в качестве напитков – чай или пепси-колу. Есть предстояло сидя на полу, скрестив ноги. И Пол, и Билл принадлежали к числу гурманов, для них такая пища была скудной. Однако у Билла проснулся аппетит: он отнес это за счет более чистой обстановки.

После обеда появились другие посетители: их иранские адвокаты. Адвокаты не знали, почему их арестовали, не знали, что произойдет далее, и не знали, что они в состоянии сделать для оказания помощи своим клиентам. Пол и Билл не испытывали к ним никакого доверия, поскольку именно эти адвокаты проинформировали Ллойда Бриггса, что залог не превысит двадцать тысяч долларов. Это посещение не принесло им ни дополнительной информации, ни какого-либо успокоения.

Остаток послеобеденного времени они провели в «комнате Чатануга» в разговорах с Негхабатом, Товлиати и Пашой. Пол в подробностях описал свой допрос у Дадгара. Каждому из иранцев было чрезвычайно интересно узнать, упоминалось ли во время этого дознания его собственное имя. Пол рассказал Товлиати, каким образом было произнесено его имя, в связи с предполагаемым конфликтом интересов. Товлиати поведал, как подобным же образом был допрошен Дадгаром перед своим арестом. Пол вспомнил, что Дадгар спрашивал о меморандуме, написанном Пашой. Это был совершенно заурядный запрос по статистике, и никто не мог понять, почему в этом полагалось видеть нечто особенное.

У Негхабата была своя теория, почему они попали в тюрьму.

– Шах делает из нас козлов отпущения, дабы показать массам, что он действительно принимает крутые меры против коррупции, но он выбрал проект, где коррупцией и не пахнет. Здесь не с чем бороться, но если он выпустит нас, то будет выглядеть слабым. Если бы он вместо этого обратил внимание на строительный бизнес, там обнаружился бы огромный объем коррупции...

Все это было чрезвычайно неопределенно. Негхабат просто давал рациональное объяснение. Полу и Биллу же требовались точные факты: *кто* приказал принять крутые меры, *почему*

выбрали Министерство здравоохранения, *какой* вид коррупции предположительно имел место и *где* находились информаторы, указавшие пальцем на лиц, находящихся теперь в тюрьме? Негхабат вовсе не старался ускользнуть от ответов – у него их просто не было. Неопределенность его отношения к этому делу была характерна для персов: спросите у иранца, что он ел на завтрак, – и спустя десять секунд он примется разъяснять вам свою жизненную философию.

В шесть часов Пол и Билл возвратились в камеру на ужин. Он оказался неважным – всего-навсего остатки от обеда, превращенные в месиво, которое надлежало намазать на хлеб, и чай.

После ужина они смотрели телевизор. Негхабат переводил новости. Шах попросил лидера оппозиции Шахпура Бахтияра сформировать гражданское правительство вместо генералов, управлявших Ираном с ноября. Негхабат объяснил, что Шахпур был вождем племени бахтияров и всегда отказывался иметь что-либо общее с режимом шаха. Тем не менее, удержится ли правительство Бахтияра, зависело от аятоллы Хомейни.

Шах также опроверг слухи, что он покидает страну.

Билл подумал, что это звучит обнадеживающе. При Бахтияре в качестве премьер-министра шах останется и обеспечит стабильность, но мятежники наконец получают голос в управлении их собственной страной.

В десять часов вечера телевидение прекратило вещание, и заключенные вернулись в свои камеры. Прочие сокамерники занавесили свои койки полотенцами и кусками ткани, чтобы защититься от света: здесь, как и в подвале, лампочка светила ночь напролет. Негхабат сказал, что Пол и Билл могут попросить у своих посетителей принести им простыни и полотенца.

Билл завернулся в тонкое серое одеяло и пытался заснуть. Он уже примирился с тем, что им придется провести здесь какое-то время, так что надо устроиться как можно удобнее. Наша судьба в руках других, подумал заключенный.

II

Их судьба была в руках Росса Перо, и в течение следующей пары дней все его лучезарные надежды пошли прахом.

Вначале новости выглядели обнадеживающими. В пятницу, 29 декабря, позвонил Киссинджер с сообщением, что Ардешир Захеда добьется освобождения Пола и Билла. Сначала, однако, сотрудники посольства США должны провести два совещания: одно – с чиновниками Министерства юстиции, другое – с представителями шахского двора.

В Тегеране заместитель американского посла, посланник-советник Чарльз Наас лично занялся организацией этих совещаний.

В Вашингтоне Генри Пречт в Госдепе также побеседовал с Ардеширом Захеда. Свояк Эмили Гейлорд, Тим Риэрдон, переговорил с сенатором Кеннеди. Адмирал Мурер пустил в ход свои связи с правительством военных в Иране. Единственным источником разочарования в Вашингтоне стал Ричард Хелмс, бывший посол США в Тегеране: он чистосердечно признался, что его старые друзья более не обладают каким-либо влиянием.

«ЭДС» проконсультировалась у трех различных иранских адвокатов. Один из них был американцем, специализировавшимся на представительстве корпораций США в Тегеране. Два другие были иранцами: один обладал хорошими связями в прошахских кругах, другой, напротив, близок к диссидентам. Все трое согласились, что то, как были брошены в тюрьму Пол и Билл, являлось в высшей степени неправомерным и что залог представлял собой астрономическую сумму. Американец Джон Уэстберг заявил, что самый крупный залог, о котором он когда-либо слышал в Иране, составлял сто тысяч долларов. Это подразумевало, что следовательно, отправивший Пола и Билла в тюрьму, действовал на шатких основаниях.

В Далласе финансовый директор «ЭДС», уроженец Алабамы с неторопливой манерой речи, работал над тем, каким образом корпорация могла бы – в случае необходимости – обеспечить внесение залога в сумме 12 750 000 долларов. Адвокаты проинформировали его, что залог может иметь одну из трех разновидностей: наличные; аккредитив, оформленный на какой-либо иранский банк; или право залога на имущество в Иране. «ЭДС» не владела имуществом такой стоимости в Тегеране – компьютеры фактически принадлежали министерству, – и, поскольку иранские банки бастовали, а в стране царила смута, – выслать тринадцать миллионов долларов наличными не представлялось возможным. Так что Уолтер занялся оформлением аккредитива. Т. Дж. Маркес, в чьи обязанности входило представлять «ЭДС» инвестиционному сообществу, предостерег Перо, что для компании, чьи акции находятся в свободном обращении на рынке, может оказаться незаконной выплата такого количества денег в виде того, что, собственно говоря, приравнивалось к выкупу. Перо ловко обошел эту проблему: он выплатит эти деньги лично.

Перо был оптимистично настроен на то, что вызволит Пола и Билла из тюрьмы с помощью *одного* из этих трех способов: юридическое давление, политическое давление или уплата залога. Затем начали поступать скверные новости.

Иранские адвокаты запели другую песенку. Они по очереди сообщали, что дело было «политическое», обладало «высокополитическим содержанием» и представляло собой «щекотливую политическую проблему». Джона Уэстберга, американца, иранские партнеры попросили не браться за это дело, потому что это ввергнет корпорацию в немилость со стороны могущественных людей. Очевидно, следовательно Хусейн Дадгар действовал отнюдь *не* на шатких основаниях.

Адвокат Том Люс и финансовый директор Том Уолтер поехали в Вашингтон и в сопровождении адмирала Мурера посетили Госдеп. Они надеялись сесть за стол с Генри Пречтом и разработать деятельную кампанию по освобождению Пола и Билла. Но Генри Пречт проявил

холодность. Чиновник пожал им руку – он не мог поступить иначе, когда их сопровождал бывший председатель Объединенного комитета начальников штабов, – но не снизошел до беседы с ними за одним столом. Ответственное лицо передало их подчиненному. Подчиненный сообщил, что ни одно из усилий Госдепа не увенчалось успехом: ни Ардешир Захеи, ни Чарли Наас не оказались в состоянии добиться освобождения Пола и Билла.

Том Люс, не обладавший терпением Иова, вскипел. Он заявил, что обязанностью Госдепа является защита американцев за границей, а до сих пор все, что сделало государство, так это содействовало заключению Пола и Билла в тюрьму! Вовсе не так, было сказано ему: то, что сделало государство до сих пор, выходило за рамки и превышало возможности его обязанностей. Если американцы совершают преступления за границей, они подпадают под иностранные законы. В обязанности Госдепа не входит вызволение людей из тюрьмы. Но, возразил Люс, Пол и Билл не совершили преступления – их держали заложниками за тринадцать миллионов долларов! Он понял, что попусту тратит свое красноречие. Адвокат и финансовый директор вернулись в Даллас ни с чем.

Вчера поздно ночью Перо позвонил в посольство США в Тегеране и спросил у Чарльза Нааса, почему он все еще не встретился с чиновниками, названными Киссинджером и Захеи. Ответ был прост: эти чиновники сделали себя недоступными для Нааса.

Сегодня Перо вновь позвонил Киссинджеру и сообщил об этом. Киссинджер извинился: он не считал, что есть что-то еще, что ему удалось бы сделать. Однако пообещал позвонить Захеи и сделать еще одну попытку.

Картину довершила еще одна скверная новость. Том Уолтер пытался с помощью иранских адвокатов установить, на каких условиях Пол и Билл могут быть выпущены под залог. Например, должны ли они будут обещать вернуться в Иран для дальнейших допросов, если это потребуется, или же могут быть допрошены за пределами страны? Ни то, ни другое, ответили ему: если их выпустят из тюрьмы, они все равно не смогут покинуть Иран.

Наступил канун Нового года. В течение трех дней Перо жил в своем офисе, спал на полу и питался сэндвичами с сыром. Дома его никто не ждал – Марго и дети все еще находились в Вейле, – а из-за поясной разницы в девять с половиной часов между Техасом и Ираном важные телефонные звонки приходилось делать глубокой ночью. Перо покидал офис только для того, чтобы навестить свою мать, которая после выписки из больницы восстанавливала здоровье в своем доме в Далласе. Даже с ней ему было трудно удержаться от разговоров о Поле и Билле – престарелая женщина с увлечением интересовалась развитием событий.

Этим вечером он почувствовал желание поесть чего-то горячего и решил бросить вызов погоде – в Далласе свирепствовал ледяной дождь – и проехать мило или около того до рыбного ресторана.

Он покинул здание через черный ход и уселся за руль своего автомобиля с кузовом «универсал». У Марго был «Ягуар», но Перо предпочитал затрапезные машины.

Перо задавался вопросом, каким реальным влиянием обладал теперь Киссинджер в Иране или где угодно. Захеи и прочие иранские связи Киссинджера могли быть подобны друзьям Ричарда Хелмса – все уже не у дел, лишённые могущества. Сам шах, похоже, висел на волоске.

С другой стороны, всей этой клике вскоре могли потребоваться друзья в Америке, и они должны были ухватиться за возможность оказать любезность Киссинджеру.

Расправляясь со своим блюдом, Перо ощутил на плече сильную руку, и низкий голос произнес:

– Росс, что ты делаешь тут один накануне Нового года?

Он обернулся и увидел Роджера Стобача, квотербека команды «Далласские ковбои», одноклассника по Военно-морской академии и старого друга.

– Привет, Роберт! Присаживайся.

– Я здесь с семьей, – пояснил Стобач. – Из-за ледяного дождя в доме отключилось отопление.

– Ну, зови их сюда.

Стобач махнул рукой своей семье, затем поинтересовался:

– Как поживает Марго?

– Спасибо, прекрасно. Она катается с детьми на лыжах в Вейле. Мне пришлось вернуться – у нас большие проблемы. – Перо принялся рассказывать семье Стобача все о Поле и Билле.

Обратно в офис он возвращался в хорошем настроении. Еще не перевелись на белом свете хорошие люди.

Ему вновь пришел на ум полковник Саймонс. Из всех планов, которые он замыслил для вызволения Пола и Билла, вторжение в тюрьму требовало наиболее длительного времени: Саймонсу потребуется группа людей, время для тренировки, снаряжение... И, однако, Перо все еще и пальцем не шевельнул в этом направлении. Это казалось такой отдаленной возможностью, последним средством: пока переговоры казались многообещающими, он просто выбросил это из головы. Перо все еще не был готов звонить Саймонсу – он выждет, пока Киссинджер еще раз переговорит с Захеди, – но, возможно, есть нечто такое, что он должен сделать, чтобы подготовиться перед тем, как обратиться к Саймонсу.

Вернувшись в «ЭДС», он связался с Пэтом Скалли, выпускником Вест-Пойнта, худощавым, мальчишеского вида неугомонным мужчиной в возрасте тридцати одного года. Он был менеджером проекта в Тегеране и выехал с эвакуированными 8 декабря. Скалли возвратился в Иран после Ашуры, затем опять уехал, когда арестовали Пола и Билла. Его задачей в настоящее время было обеспечение того, чтобы для оставшихся в Тегеране американцев – Ллойда Бриггса, Рича Галлахера и его жены, Пола и Билла, – были забронированы авиабилеты на каждый день на тот случай, если пленников освободят.

Рядом со Скалли находился Джей Кобёрн, который занимался эвакуацией, а затем 22 декабря вернулся на родину провести Рождество со своей семьей. Кобёрн собирался вылететь в Тегеран, когда получил известие, что Пол и Билл арестованы, так что остался в Далласе и организовал вторую эвакуацию. Безмятежный приземистый мужчина, Кобёрн весь исходил улыбками, медленно расползавшимися по его лицу, начинавшимся с искорки, промелькнувшей в его глазах, и часто кончавшимися смехом от всей души, сотрясавшим его тело.

Перо любил обоих и доверял им. Они были из породы тех, кого он называл орлами: люди высокого полета, которые использовали свою инициативу, доводили дело до конца, давали ему результаты, а не извинения. Девиз кадровиков «ЭДС» звучал следующим образом: «Орлы не сбиваются в стаи – вы должны отыскивать их по одному за раз». Одним из секретов успеха Перо была его политика широких поисков людей такого типа, а не выжидания, когда они сами явятся наниматься на работу.

Перо спросил у Скалли:

– Как ты думаешь, все ли мы делаем, что необходимо, для Пола и Билла?

Скалли без промедления выпалил:

– Нет, не думаю.

Перо кивнул. Эти молодые мужчины никогда не боялись резать боссу правду-матку: это и было одним из тех качеств, что делали их орлами.

– Как ты думаешь, что нам следует сделать?

– Мы должны выкрасть их, – изрек Скалли. – Я знаю, это звучит странно, но действительно думаю так: если мы не сделаем этого, у них есть все шансы, что их там убьют.

Перо это вовсе не показалось странным: такой страх не покидал его все эти дни.

– Я думаю точно так же. – Он увидел удивление на лице Скалли. – Я хочу, чтобы вы оба составили список сотрудников «ЭДС», которые помогут сделать это. Нам потребуются люди,

знакомые с Тегераном, обладающие каким-то военным опытом – предпочтительно в операциях спецназа – и на сто процентов надежные и преданные.

– Мы начнем заниматься этим немедленно, – загорелся Скалли.

Зазвонил телефон, и Кобёрн взял трубку.

– Привет, Кин! Откуда ты звонишь? Подожди минутку.

Кобёрн накрыл рукой микрофон и взглянул на Перо.

– Кин Тейлор из Франкфурта. Если мы собираемся проверить что-то такого рода, его следует включить в команду.

Перо одобрительно кивнул головой. Тейлор, бывший сержант военно-морских сил, принадлежал к числу его орлов. Ростом шесть футов два дюйма и всегда элегантно одетый, Тейлор легко раздражался, что делало его легкой целью для глупых шуток. Перо сказал:

– Прикажи ему возвратиться в Тегеран. Но не объясняй почему.

Широкая улыбка расплзлась по лицу Кобёрна, осветив его лучезарностью молодости.

– Ему это не понравится.

Скалли протянул руку через стол и включил громкоговоритель, чтобы было слышно, как взбеленится Тейлор. Кобёрн отчеканил:

– Кин, Росс хочет, чтобы ты вернулся в Иран.

– За каким чертом? – изумился Тейлор.

Кобёрн взглянул на Перо. Тот покачал головой. Кобёрн продолжил разговор:

– Ну, там полно работы, которую надо сделать, с точки зрения подчистки, выражаясь административно...

– Скажи Перо, что я не поеду туда из-за всякого административного дерьма.

Скалли расхохотался.

Кобёрн сказал:

– Кин, тут есть еще кое-кто, желающий потолковать с тобой.

Перо откликнулся:

– Кин, говорит Росс.

– Вот как! Ну, привет, Росс.

– Я посылаю тебя обратно для выполнения *чего-то чрезвычайно важного*.

– Ого!

– Ты понимаешь, о чем я говорю?

Последовала длительная пауза, затем Тейлор выдавил из себя:

– Да, сэр.

– Прекрасно.

– Я вылетаю.

– Который там час? – спросил Перо.

– Семь утра.

Перо бросил взгляд на свои часы. Они показывали полночь.

Начался тысяча девятьсот семьдесят девятый год.

* * *

Тейлор сидел на краешке кровати во франкфуртском отеле, думая о жене.

Мэри с детьми, Майком и Доном, находились в Питсбурге, в доме брата Тейлора. Перед вылетом Тейлор позвонил ей из Тегерана и сообщил, что направляется домой. Услышав эту новость, жена безумно обрадовалась. Супруги строили планы на будущее: вернуться в Даллас, отдать детей в школу...

Теперь он должен позвонить ей и сказать, что пока не приедет домой.

Мэри будет обеспокоена.

Черт побери, *он и сам* был обеспокоен.

Кин подумал о Тегеране. Тейлор не работал над проектом для Министерства здравоохранения, но на нем лежала ответственность за небольшой контракт по компьютеризации старомодной системы бухгалтерского учета посредством grossбухов «Банка Омран». Как-то раз три недели назад около банка собралась толпа – «Омран» был банком шаха. Тейлор отправил своих людей домой. Он и Гленн Джэксон ушли последними: мужчины заперли дверь здания и пустились в путь пешком в северном направлении. Когда коллеги повернули за угол, они врезались прямо в толпу. В этот момент солдаты открыли огонь и ринулись вниз по улице.

Тейлор и Джэксон быстро втиснулись в дверную нишу. Кто-то открыл дверь и заорал, чтобы они заскочили внутрь. Оба заскочили, но перед тем, как их спаситель успел вновь запереть дверь, в нее ворвались четыре демонстранта, преследуемые пятью солдатами. Тейлор и Джэксон распластались по стене, наблюдая, как солдаты, вооруженные дубинками и винтовками, избивают демонстрантов. Один из мятежников попытался спастись бегством. Два пальца на его руке были почти оторваны, и кровь струей лилась на стеклянную дверь. Он выскочил наружу, но на улице свалился с ног. Солдаты выволокли остальных трех на улицу. Один представлял собой сплошное кровавое месиво, двое других либо потеряли сознание, либо были мертвы.

Тейлор и Джэксон пробыли внутри здания до тех пор, пока улица не очистилась. Иранец, который спас их, беспрестанно твердил:

– Уезжайте, пока можете.

И вот теперь, думал Тейлор, я должен сказать Мэри, что только что согласился вернуться ко всему этому.

Для выполнения чего-то чрезвычайно важного.

Очевидно, это было связано с Полом и Биллом, и, если Перо не мог говорить об этом по телефону, предположительно это было нечто по меньшей мере подпольное и, вполне возможно, противозаконное.

Некоторым образом Тейлор был рад, невзирая на свою боязнь толпы. Еще находясь в Тегеране, он поговорил по телефону с женой Билла, Эмили Гейлорд, и пообещал не уезжать без Билла. Приказы из Далласа, что уезжать должны все, кроме Бриггса и Галлахера, вынудили его нарушить данное им слово. Теперь приказы изменились, возможно, он, в конце концов, сможет сдержать свое обещание перед Эмили.

Ну, подумал Тейлор, я не могу идти на попятную, так что лучше попробую зарезервировать место на рейсе. Он вновь взял телефонную трубку.

* * *

Джей Кобёрн вспомнил, когда он первый раз увидел Росса Перо в действии. Ему суждено не забыть этого до конца своих дней.

Это случилось в 1971 году. Кобёрн к тому времени проработал на «ЭДС» менее двух лет. Он занимался подбором кадров, работая в Нью-Йорке. В том году в небольшой католической больнице родился Скотт. Роды прошли без осложнений, и поначалу Скотт казался нормальным здоровым ребенком.

На следующий день после его рождения, когда Кобёрн явился с визитом, Лиз сообщила, что утром Скотта не принесли для кормления. В тот момент Кобёрн не обратил на это никакого внимания. Несколько минутами позже вошла женщина и сказала:

– Вот фотографии вашего ребенка.

– Я что-то не припоминаю, чтобы делались какие-то фотографии, – усомнилась Лиз. Женщина показала ей фотографии. – Нет, это не мой ребенок.

Некоторое время у женщины был озадаченный вид, затем она воскликнула:

– Ох! Верно, ваш – это тот, у которого проблема.

Кобёрн пошел взглянуть на новорожденного Скотта и испытал настоящее потрясение. Младенец лежал в кислородной палатке, хватая ртом воздух, синий, как пара джинсов из денима. Доктора совещались по этому поводу на консилиуме.

Лиз пребывала на грани истерики, а Кобёрн позвонил их семейному доктору и попросил его приехать в больницу. Затем принялся ждать.

Здесь крылось что-то неладное. Какая же это больница, где вас не извещают, что ваш новорожденный младенец умирает? Кобёрн пребывал в полнейшем смятении.

Он позвонил в Даллас и попросил соединить его со своим начальником, Гэри Григгсом.

– Гэри, я не понимаю, почему звоню тебе, но не представляю, что мне делать. – И он поведал свою историю.

– Не опускай трубку, – приказал ему Григгс.

Минутой позже в трубке прозвучал незнакомый голос:

– Джей?

– Да.

– Говорит Росс Перо.

Кобёрн встречался с Перо дважды или трижды, но никогда не работал с ним напрямую. Кобёрн задался мыслью, помнит ли Перо, как он выглядит: в то время в «ЭДС» трудилось более тысячи служащих.

– Привет, Росс.

– Ну, Джей, мне нужна кое-какая информация. – Перо начал задавать вопросы: какой адрес у больницы? Как зовут докторов? Какой диагноз они поставили? По мере того как он отвечал на вопросы, Кобёрн ошеломленно думал: знает ли Перо вообще, кто я такой?

– Подожди минутку у телефона, Джей. – Последовало короткое молчание. – Я собираюсь соединить тебя с доктором Уршелом, моим близким другом и ведущим кардиохирургом здесь, в Далласе. – Через минуту Кобёрн уже отвечал на дополнительные вопросы доктора.

– Не предпринимайте никаких действий, – приказал доктор в конце. – Я собираюсь поговорить с врачами этой больницы. Не отходите от телефона, чтобы мы могли связаться с вами.

– Да, сэр, – обалдело пробормотал Кобёрн.

В телефоне вновь раздался голос Перо:

– Вы поговорили? Как чувствует себя Лиз?

У Кобёрна мелькнуло в голове: откуда, черт возьми, ему известно имя моей жены?

– Не совсем хорошо, – ответил Кобёрн. – Наш доктор приехал сюда и дал ей какое-то успокоительное...

Пока Перо утешал Кобёрна, доктор Уршел поднял на ноги весь персонал больницы. Он убедил их отправить Скотта в медицинский центр Нью-Йоркского университета. Через несколько минут Скотт и Кобёрн уже ехали в машине «Скорой помощи».

В туннеле Мидтаун они попали в дорожную пробку.

Кобёрн выскочил из автомобиля, пробежал больше мили к пункту для оплаты проезда по дороге и упрямил служащего остановить все полосы движения кроме той, на которой находилась машина «Скорой помощи».

Когда они добрались до медицинского центра Нью-Йоркского университета, снаружи их уже ожидали десяток или полтора человек. Среди них был ведущий сердечно-сосудистый хирург Восточного побережья, прилетевший из Бостона за то время, которое потребовалось «Скорой помощи» доехать до Манхэттена.

Когда младенца Скотта бегом внесли в здание, Кобёрн вручил конверт с рентгеновскими снимками, привезенными из больницы. Женщина-доктор просмотрела их:

– А где же остальные?

– Это все, – ответил Кобёрн.

– Все, которые они *сделали*?

Новые рентгеновские снимки выявили у Скотта отверстие в сердечном клапане, а также пневмонию. После излечения пневмонии врачи занялись состоянием его сердца.

И Скотт выжил. Он превратился в совершенно здорового маленького сорванца, который играл в футбол, лазил по деревьям, переходил вброд ручьи. И Кобёрн начал понимать, что чувствовали люди по отношению к Россу Перо.

Целеустремленность Перо, его способность сосредоточиться на одном объекте и не отвлекаться ни на что, пока дело не будет доведено до конца, имела свою малоприятную сторону. Босс не гнушался уязвлять людей. Через день-два после того, как были арестованы Пол и Билл, он вошел в кабинет, где Кобёрн по телефону разговаривал с Ллойдом Бриггсом в Тегеране. У Перо возникло такое впечатление, что Кобёрн дает указания, а Перо твердо придерживался того убеждения, что персонал в головном офисе не должен раздавать приказы пребывающим на поле сражения и лучше знакомым с ситуацией. Он безжалостно отчитал Кобёрна перед комнатой, полной сослуживцев.

У Перо были и другие слабости. Когда Перо работал на подборе персонала, каждый год компания присваивала кому-то звание «Лучший кадровик». Имена победителей были выгравированы на памятной доске. Этот список включал сотрудников за многие годы, и за это время кто-то из победителей уходил из компании. Когда это случалось, Перо требовал стереть их имена с доски. Кобёрн считал это странным. Парень покинул компанию – ну и что? Он стал в какой-то год «Кадровиком года», но для чего пытаться изменить историю? Это выглядело так, будто Перо воспринимал как личное оскорбление желание человека работать в другом месте.

Недостатки Перо были неотъемлемой частью его добродетелей. Его особое отношение к людям, которые покинули компанию, было составным компонентом его теснейшей преданности своим служащим. Проявлявшаяся иногда бесчувственная суровость была просто ингредиентом его невероятной энергии и целеустремленности, без которых он никогда не создал бы «ЭДС». Кобёрн считал несложным простить недостатки Перо.

Ему просто стоило бросить взгляд на Скотта.

* * *

– Мистер Перо! – раздался в телефонной трубке голос Салли. – На связи мистер Киссинджер.

Сердце Перо пропустило один удар. Неужели Киссинджер и Захеди сумели обстрелять это за прошедшие сутки? Или он звонил, чтобы известить о неудаче?

– Росс Перо.

– Говорит Генри Киссинджер.

Мгновением позже Перо услышал знакомый гортанный выговор.

– Привет, Росс!

– Да, – Перо затаил дыхание.

– Меня заверили, что твои люди будут освобождены завтра в десять утра по тегеранскому времени.

У Перо вырвался глубокий вздох облегчения.

– Доктор Киссинджер, это – лучшая новость, которую я услышал уж не знаю с какого времени. Даже и не знаю, как мне благодарить вас.

– Детали должны быть окончательно обговорены сегодня сотрудниками посольства США и Министерством иностранных дел Ирана, но это – чистая формальность: мне сообщили, что ваши люди будут освобождены.

– Великолепно. Мы чрезвычайно ценим вашу помощь.

– Не за что.

* * *

В Тегеране было полдесятого утра, в Далласе – полночь. Перо сидел в своем кабинете, изнывая от ожидания. Большинство его сотрудников ушли домой выпастись, счастливые от сознания того, что ко времени их пробуждения Пол и Билл будут на свободе. Перо оставался в офисе, дабы проследить за этим до конца.

В Тегеране Ллойд Бриггс находился в офисе «Бухарест», а один из иранских сотрудников ждал около тюрьмы. Как только Пол и Билл появятся, иранец позвонит в «Бухарест», а Бриггс свяжется с Перо.

Теперь, когда кризис близился к завершению, у Перо нашлось время поразмыслить, где он допустил промах. Одна ошибка пришла ему на ум без промедления. Когда он 4 сентября принял решение эвакуировать весь свой персонал из Ирана, он не проявил достаточной настойчивости и позволил другим мешкать и выставлять свои возражения, а время было упущено.

Но в первую очередь крупной ошибкой было заняться бизнесом в Иране. Теперь, оглядываясь на прошлое, он мог убедиться в этом. В то время Перо согласился со своими маркетинговыми и со многими другими американскими бизнесменами, что эта богатая нефтью, стабильная, ориентированная на Запад страна имеет в своем распоряжении благоприятные, просто отличные возможности. Он не постиг наличия напряженности под внешне спокойной оболочкой, Перо ничего не знал об аятолле Хомейни и не предвидел того, что в один прекрасный день там появится президент, достаточно наивный, пытающийся навязать американские убеждения и стандарты стране Ближнего Востока.

Он бросил взгляд на свои часы. Было полпервого ночи. Пол и Билл как раз сейчас должны выходить из тюрьмы.

Добрые вести Киссинджера были подтверждены телефонным звонком от Дэвида Ньюсома, заместителя Сайруса Вэнса в Госдепе. Пол и Билл будут выпущены, но не сразу. Сегодня из Ирана вновь пришли плохие новости. Бахтияр, новый премьер-министр шаха, был отвергнут Национальным фронтом, партией, которая теперь считалась умеренной оппозицией. Шах объявил, что он может уехать на отдых. Уильям Салливан, американский посол, посоветовал семьям всех американцев, работавших в Иране, отправиться на родину, и посольства Канады и Великобритании последовали его примеру. Но аэропорты были закрыты из-за забастовки, и сотни женщин и детей оказались в затруднительном положении. Однако Пол и Билл не уподобятся им. У Перо были хорошие друзья в Пентагоне со времен кампании по освобождению военнопленных: Пол и Билл будут вывезены на самолете военно-воздушных сил США.

В час ночи Перо позвонил в Тегеран. Ничего нового. Ну что ж, подумал он, общеизвестно, что иранцы лишены чувства времени.

Ирония всей этой истории заключалась в том, что «ЭДС» никогда не платила мзду – ни в Иране, ни где бы то ни было еще. Перо было отвратительно само понятие взятки. «Кодекс поведения» «ЭДС» был изложен в буклете на 12 страницах, выдаваемом каждому новому сотруднику. Перо лично сочинил его. «Имейте в виду, что федеральный закон и законы большинства штатов запрещают передачу чего-либо ценного правительственному чиновнику с намерением оказать воздействие на какой-либо правительственный акт. Поскольку может оказаться трудным доказать отсутствие подобного намерения, ни денежные средства, ни что-либо ценное не должны вручаться федеральному, государственному или иностранному чиновнику... Твердое убеждение, что подобная оплата или практика не запрещена законом, не является окончательным выводом ваших умозаключений... Всегда необходимо производить дальнейшее углубленное исследование данной этики... Можете ли вы заниматься бизнесом с полным доверием к тем, кто действует таким же образом, как и вы? Ответ должен быть «Да». Последней страницей

данного буклета был бланк, который надлежало подписать сотруднику в подтверждение того, что он получил и прочитал данный «Кодекс».

Когда «ЭДС» впервые пришла в Иран, пуританские принципы Перо были усилены скандалом вокруг компании «Локхид». Даниэл Дж. Хотн, председатель «Локхид эркрафт корпорейшн», признал в комитете сената, что «Локхид» регулярно платила взятки в миллионы долларов с целью продажи своих самолетов за границей. Его свидетельство выглядело поведением человека, попавшего в неудобное положение, и это вызвало у Перо отвращение: ерзая на своем сиденье, Хотн признал перед комитетом, что эти платежи были не взятками, а «откатами». Вследствие этого «Закон о запрете подкупа иностранцев» перевел дачу взяток в зарубежных странах, согласно законодательству США, в статус правонарушения.

Перо вызвал адвоката Тома Люса и возложил на него персональную ответственность за обеспечение того, чтобы «ЭДС» ни в коем случае не платила взятки. В ходе переговоров по контракту с Министерством здравоохранения в Иране Люс вызвал недовольство не одного руководящего сотрудника «ЭДС» дотошностью и последовательностью, с которыми он подвергал их перекрестному допросу о правомерности их действий.

Перо не сгорал от желания заполучить эту сделку. Он уже зарабатывал миллионы. У него не было *необходимости* расширяться за границу. Если вам приходится платить взятки, чтобы заниматься там бизнесом, заявил Перо, вам просто не надо делать там бизнес.

Эти деловые принципы пустили глубокие корни в его сознании. Его предки были французами, приехавшими в Новый Орлеан и основавшими фактории на берегах Ред-Ривер. Его отец Габриэл Росс Перо был маклером по торговле хлопком. «Нет смысла в *одноразовой* закупке хлопка у фермера, – поучал он сына. – Вы должны обращаться с ним справедливо, заслужить его доверие и выстроить с ним такие отношения, чтобы этот человек почитал за счастье год за годом продавать вам свой хлопок. *Только тогда* вы сделаете свой бизнес». О взятках тут не было и речи.

В полвторого ночи Перо вновь позвонил в офис «ЭДС» в Тегеране. Новостей все не было.

– Позвоните в тюрьму или пошлите туда кого-нибудь, – приказал он. – Узнайте, когда они выходят.

Перо начал чувствовать себя не в своей тарелке.

«Что мне делать, если ничего не выйдет?» – подумал он. Если внести залог, на это будет затрачено тринадцать миллионов долларов, но все равно Полу и Биллу будет запрещено покидать Иран. Другие пути их освобождения с использованием юридической системы наталкиваются на препоны, установленные иранскими юристами, – если это дело политическое, похоже, это означает, что невиновность Пола и Билла не играет никакой роли. Но политическое давление пока что оказалось недееспособным: ни посольство США в Тегеране, ни Госдеп в Вашингтоне не смогли оказать помощь; и, если Киссинджер также потерпит провал, это определенно положит конец всем надеждам в этом деле. Что тогда остается?

Применить силу.

Зазвонил телефон. Перо схватил трубку.

– Росс Перо.

– Это Ллойд Бриггс.

– Они вышли?

– Нет.

У Перо упало сердце.

– Что там происходит?

– Мы звонили в тюрьму. У них нет указаний выпустить Пола и Билла.

Перо закрыл глаза. Случилось наихудшее. Киссинджер потерпел поражение.

Он вздохнул:

– Спасибо, Ллойд.

– Что делать дальше?

– Я не знаю, – промолвил Перо.

Но на самом деле он *знал*.

Он попрощался с Бригтсом и положил трубку.

Перо не признает своего поражения. Еще одним принципом его отца был следующий: заботиться о людях, которые работают на тебя. Перо мог припомнить, как вся семья по воскресеньям выезжала на автомобиле за двенадцать миль с единственной целью заглянуть к чернокожему старику, который обычно стриг у них газон, дабы удостовериться, что он здоров и имеет достаточно еды. Отец Перо нанимал на службу людей, в которых не нуждался, просто по той причине, что они остались без работы. Каждый год семейный автомобиль Перо отправлялся на ярмарку в графстве, до отказа набитый чернокожими работниками, каждому из которых выдавалось немного денег на расходы, а также деловая визитная карточка Перо, подлежащая предъявлению, если кто-то попытается досаждать им. Перо припомнил случай, когда один такой работник ехал на товарном поезде в Калифорнию и, будучи арестован за бродяжничество, предъявил визитную карточку отца Перо. Шериф заявил: «Нас не интересует, чей ты негр, мы посадим тебя в тюрьму». Но тот позвонил Перо-старшему, который отправил по телеграфу плату за проезд, чтобы этот человек вернулся. «Я был в Калифорнии и вернулся», – сказал этот чернокожий, приехав в Тексаркану; и Перо-старший вновь принял его на работу.

Отец Перо представления не имел о гражданских правах: это было просто его отношение к прочим человеческим существам. Перо, пока не вырос, не знал, что его родители являли собой из ряда вон выходящих людей.

Его отец не бросил бы своих служащих на произвол судьбы в тюрьме. Точно так же не поступит Перо.

Он поднял трубку телефона:

– Найдите Т. Дж. Маркеса.

Было два часа ночи, но Т. Дж. не удивится: Перо будил его в середине ночи отнюдь не в первый раз и явно не в последний.

Сонный голос промямлил:

– Алло?

– Том, дело дрянь.

– Почему?

– Их не выпустили, и в тюрьме сказали, что и не собираются этого делать.

– Ах, *черт возьми!*

– Положение там ухудшается – ты видел новости?

– Конечно.

– Как ты думаешь, пришло время для Саймонса?

– Думаю, что да.

– У тебя есть номер его телефона?

– Нет, но я могу раздобыть его.

– Позвони ему, – приказал Перо.

III

«Бык» Саймонс находился на грани помешательства.

Он подумывал о том, чтобы сжечь свой дом. Это было старое бунгало на деревянном каркасе, оно вспыхнет как горстка спичек – и делу конец. Это место было преисподней для него – но преисподней, которую ему не хотелось покидать, ибо в преисподнюю его превращали горько-сладкие воспоминания о том времени, когда оно было небесами обетованными.

Это место нашла Люсиль. Жена увидела объявление о нем в журнале, и они вместе полетели туда из форта Брэгг в Северной Каролине, чтобы осмотреть его. В Ред Бэй, в нищей части флоридского выступа, полуразвалившийся дом стоял на участке в сорок акров дикого леса. Но среди чащи было озеро размером в два акра, в котором водились окуни. Люсиль там понравилось.

Это случилось в 1971 году. Саймонсу пришло время уходить в отставку. Он прослужил в звании полковника десять лет, и, если уж налет на Сон Тей не смог произвести его в генералы, стало быть, ничто уже не сможет. Истина заключалась в том, что Саймонс не годился для генеральского клуба: он всегда был офицером запаса, никогда не проходил курс в привилегированном военном учебном заведении, таком, как Вест-Пойнт, его методы были нетрадиционными, и он не имел привычки шляться по коктейльным вечеринкам в Вашингтоне и лизать чужую задницу. Полковник знал, что является чертовски хорошим солдатом, но раз уж этого было недостаточно, ну, значит, Арт Саймонс был недостаточно хорош. Так что он ушел в отставку и не жалел об этом.

Здесь, в Ред Бэй, он провел самые счастливые годы своей жизни. Всю их супружескую жизнь Саймонс и Люсиль были вынуждены переживать периоды разлуки, иногда по году не видели друг друга во время его командировок во Вьетнам, Лаос и Корею. С того момента, как он вышел в отставку, супруги проводили вместе круглые сутки, все дни года. Саймонс выращивал свиней. Он ничего не понимал в сельском хозяйстве, но черпал нужные сведения из книг и построил собственные загоны. Как только дело было запущено, отставной воин обнаружил, что дел было не так уж и много, требуется всего лишь кормить свиней и присматривать за ними, так что он проводил много времени, забавляясь со своей коллекцией из 150 винтовок, и в конце концов построил небольшую ружейную мастерскую, где ремонтировал свое оружие и оружие соседей да снаряжал свои собственные боеприпасы. Большую часть дня он и Люсиль бродили, взявшись за руки, по лесу и спускались вниз к озеру, где им случалось поймать окуня. Вечером, после ужина, жена шла в спальню, как будто собиралась на свидание, и позднее выходила оттуда в халате поверх ночной рубашки, с красной лентой в темных волосах и садилась к нему на колени...

Такие воспоминания разрывали ему сердце.

Даже сыновья, похоже, наконец-то выросли за эти золотые годы. Гарри, младший, однажды явился домой и заявил: «Пап, я пристрастился к героину и кокаину, и мне нужна твоя помощь». Познания Саймонса в наркотиках были невелики. Он однажды курил марихуану в офисе доктора в Панаме перед тем, как поговорить со своими людьми о наркотиках, просто чтобы иметь возможность сказать им, что знает, на что это похоже; но единственно, что ему было известно о героине, так это что он убивает людей. Однако отец смог оказать помощь Гарри, обеспечив его занятость, здесь, на открытом воздухе, на постройке загонов. На это ушло довольно много времени. Гарри частенько покидал дом, чтобы раздобыть наркотики, но всегда возвращался и в конце концов перестал ходить в город.

Эта история вновь сблизила Саймонса и Гарри. Саймонс никогда не был близок с Брюсом, своим старшим сыном; но по меньшей мере он мог не волноваться по поводу этого мальчика. Мальчика? Ему уже перевалило за тридцать, и он вырос как раз почти такой же упертый,

как... ну, как его отец. Брюс обрел Иисуса и был твердо намерен привести весь остальной мир к Господу, начиная с полковника Саймонса. Саймонс практически вышвырнул его из дома. Однако, в отличие от других бурных увлечений Брюса – наркотиков, «И цзин»,⁶ общин, живущих по принципу «назад к природе», – интерес к Иисусу выдержал испытание временем, и Брюс, по крайней мере, уговорился и зажил степенным пастором крошечной церкви на обледеневшем северо-востоке Канады.

Во всяком случае, Саймонс перестал страдать из-за сыновей. Он вырастил их как мог, хорошо или плохо, и теперь они стали мужчинами и должны были сами заботиться о себе. Артур заботился о Люсиль.

Она была высокой, красивой женщиной с классической фигурой и страстью к большим шляпам. Жена смотрелась чертовски впечатляюще за рулем их черного «Кадиллака». Но на самом деле она являла собой противоположность его неукротимости. Люсиль по нраву своему была мягкой, добродушной и милой. Выросши в семье супружеской четы учителей, девушка нуждалась в ком-то, кто принимал бы решения за нее, за кем она могла бы слепо следовать и кому полностью доверять, и ей посчастливилось найти то, что ей было нужно, в Арте Саймонсе. В свою очередь, он был безраздельно ей предан. Ко времени его выхода в отставку супруги прожили в браке тридцать лет, и за все это время он никогда не проявил ни малейшего интереса к другой женщине. Единственной помехой для них была его профессия со службой за границей, но теперь и этому пришел конец. Саймонс признался ей: «Мои планы по жизни в отставке могут уместиться в одном слове: ты».

Судьба отпустила им семь чудесных лет.

Люсиль скончалась от рака 16 марта 1978 года.

И «Бык» Саймонс потерял душевный покой.

Говорят, у каждого человека наступает в жизни переломный момент. Саймонс думал, что это к нему не относится. Теперь он знал, что не миновал этого: смерть Люсиль подкосила его. Ему довелось убить много людей и увидеть еще больше умирающих, но до сих пор он не понимал значение смерти. Тридцать семь лет они были вместе, а теперь, внезапно, *ее просто не было с ним*.

Без нее Саймонс не видел, для чего нужна жизнь. Не было смысла ни в чем. Ему исполнилось шестьдесят лет, и он не мог подумать ни об одной чертовой причине для того, чтобы прожить еще один день. Полковник перестал о себе заботиться. Он питался холодной едой из консервных банок и отпустил волосы, которые всегда носил коротко остриженными. Саймонс с истовостью верующего кормил свиней каждый день в 3.45, хотя прекрасно знал, что не имело никакого значения, в какое время дня вы кормите поросенка. Он начал подбирать приبلудных собак и вскоре приютил их тринадцать, они царапали мебель и испражнялись на пол.

Саймонс знал, что находится на грани потери рассудка, и только его железная самодисциплина, которая так долго была частью его характера, давала ему возможность оставаться в здравом уме. Когда он подумал о том, чтобы сжечь дом, ему стало понятно, что его способность трезво оценивать обстановку дала сбой, и он обещал себе выждать год и посмотреть, как будет чувствовать себя потом.

Саймонс знал, что его брат Стэнли переживает за него. Стэн пытался заставить его взять себя в руки: предложил ему читать лекции, даже пытался уговорить его вступить в израильскую армию. Саймонс был еврейского происхождения, но считал себя американцем и не хотел уезжать в Израиль. Полковник был не в состоянии взять себя в руки. Он мог только перебиваться со дня на день.

Ему не требовалось, чтобы кто-то о нем заботился – Саймонс никогда не испытывал нужды в этом. Напротив, ему было необходимо заботиться о ком-то. Это было то, чем он зани-

⁶ «И цзин» – «Книга перемен», наиболее ранний из китайских философских текстов, предназначенный для гадания.

мался всю жизнь. Саймонс заботился о Люсиль, заботился о мужчинах, которыми командовал. Никто не мог спасти его от депрессии, ибо задачей его жизни было спасать других. Вот почему он примирился с Гарри, но не с Брюсом: Гарри пришел к нему с просьбой спасти его от пристрастия к героину, а Брюс явился с предложением спасти Арта Саймонса приобщением его к Господу. В военных операциях целью полковника всегда было привести обратно всех людей живыми. Налет на Сон Тэй стал бы идеальной высшей точкой его карьеры, окажись в лагере пленники, которых требовалось спасти.

Парадоксально, но единственным способом спасти Саймонса было просить его спасти еще кого-то.

Это произошло в два часа ночи 2 января 1979 года.

Его разбудил телефонный звонок.

– «Бык» Саймонс? – Голос был смутно знакомым.

– Да.

– Говорит Т. Дж. Маркес из «ЭДС» в Далласе.

Саймонс припоминал: «ЭДС», Росс Перо, кампания по освобождению военнопленных, вечеринка в Сан-Франциско...

– Привет, Том.

– «Бык», сожалею, что разбудил вас.

– Ничего. Чем могу быть полезен?

– У нас попали в тюрьму два человека в Иране, и, похоже на то, что мы не сможем добиться их освобождения законным путем. Вы не хотели бы нам помочь?

Хотел бы он?

– Черт возьми, да, – отозвался Саймонс. – Когда приступаем к делу?

Глава четвертая

I

Росс Перо выехал из «ЭДС» и свернул налево на Форест-лейн, затем направо на Центральную автостраду. Он следовал к отелю «Хилтон» на Центральной. Перо собирался просить семь человек рискнуть своей жизнью.

Скалли и Кобёрн составили свой список. Он начинался с их собственных имен, за ними следовали еще пять. Сколько руководителей американских корпораций в двадцатом веке просили семерых служащих устроить побег из тюрьмы? Вероятно, ни один.

В течение ночи Кобёрн и Скалли звонили другим пяти, разбросанным по всем Соединенным Штатам, гостившим у друзей и родственников после их поспешного отъезда из Тегерана. Каждому всего-навсего сообщили, что сегодня Перо хочет видеть их в Далласе. Они привыкли к телефонным звонкам в середине ночи и неожиданным вызовам – это было в духе Перо, – и все согласились приехать.

Когда эти люди прибыли в Даллас, их всех отправили из штаб-квартиры «ЭДС» заселяться в «Хилтон». Большинство из них к этому времени уже должны были находиться там в ожидании Перо.

Босс размышлял, что те скажут, когда он объявит, что эти люди должны вернуться в Тегеран и совершить налет на тюрьму, чтобы вызволить Пола и Билла.

Эти сотрудники были хорошими людьми и преданными ему, но преданность работодателю обычно не распространяется на готовность рисковать жизнью. Некоторые из них могли бы счесть, что весь замысел спасения с применением силы был безрассудно дерзким. Другие подумают о своих женах и детях и откажутся ради их блага, что было совершенно разумно.

У меня нет права просить моих людей идти на это, подумал он. Мне следует постараться не оказывать на них ни капли давления. Сегодня никаких приемчиков в попытке всучить товар, Перо: просто разговор начистоту. До них должно дойти, что они вполне вправе сказать: нет, босс, спасибо, но на меня не рассчитывайте.

Сколько из них согласятся добровольно?

Один из пяти, предположил Перо.

Если все окажется так, у него уйдет несколько дней на подбор команды, и дело может кончиться тем, что набранные люди не знают Тегерана.

А что, если вообще *ни один человек* не изъявит добровольного желания?

Он заехал на автомобильную парковку отеля «Хилтон» и выключил двигатель.

* * *

Джей Кобёрн осмотрелся. В помещении собрались еще четверо других: Пэт Скалли, Гленн Джэксон, Ралф Булвэр и Джо Поше. Еще двое находились в пути: Джим Швибах добирался из О-Клэра в штате Висконсин, а Рон Дэвис ехал из Колумбуса, штат Огайо.

Эти парни меньше всего походили на «Отпетую дюжину».⁷

⁷ «Отпетая дюжина» – американский фильм 1967 года, повествующий об эпизоде из подготовки высадки союзников в Европе в 1944 году. Для выполнения задания по уничтожению штаба гитлеровского командования в замке во французском городе Ренн, исполнители которого, как заведомо известно, неминуемо должны погибнуть, в Англии отбирается группа из 12 заключенных, приговоренных судом либо к казни, либо к каторжным работам.

В своих деловых костюмах, белых рубашках и неярких галстуках, со своими коротко подстриженными волосами, чисто выбритыми лицами и холеными телами они выглядели теми, кем и были: обычными американскими служащими из разряда руководящих работников. Было сложно увидеть в них банду наемников.

Кобёрн и Скалли составляли свои списки по отдельности, но эти пятеро мужчин были названы в обоих. Каждый из них работал в Тегеране – большинство состояло в команде Кобёрна по эвакуации. У каждого был за плечами либо военный опыт, либо связанное с этим мастерство. Каждый был человеком, пользовавшимся полным доверием Кобёрна.

В то время как Скалли занимался обзваниванием этих людей в ранние часы утра, Кобёрн достал их личные дела и составил краткую характеристику на каждого с указанием возраста, роста, веса, семейного положения и знания Тегерана. Когда они прибыли в Даллас, каждый из них заполнил еще один лист, подробно излагая свой военный опыт, перечень военных школ, в которых прошел обучение, владение оружием и другие особые навыки. Эти характеристики были предназначены для полковника Саймонса, находившегося на пути из Ред Бэй. Но еще до прибытия Саймонса Перо предстояло спросить этих людей, изъявляют ли они желание стать добровольцами.

Для встречи Перо с ними Кобёрн подготовил три смежные комнаты. Использованию подлежала только средняя, комнаты по ее сторонам были сняты в качестве предосторожности против подслушивания. Все это выглядело довольно-таки театрально.

Кобёрн изучал других, теряясь в догадках, что же они думают. Им пока еще не сказали, о чем будет идти речь, но, возможно, те уже предполагали, в чем дело.

Он не мог сказать, что думает Джо Поше: это еще не удавалось никому. Невысокий, спокойный тридцатидвухлетний мужчина, Джо Поше скрывал свои эмоции. Его голос всегда был тихим и ровным, лицо обычно не выражало ничего. Он провел шесть лет в армии и участвовал в боях командиром гаубичной батареи во Вьетнаме. Поше освоил почти каждый вид оружия, принятый на вооружение в армии, до определенного уровня сноровки, и убивал время во Вьетнаме, практикуясь с сорок пятым калибром. Джо провел два года с «ЭДС» в Тегеране, сначала проектируя систему регистрации, – компьютерную программу, составлявшую перечни людей, имевших право пользоваться льготами системы здравоохранения, – а позднее в качестве программиста, ответственного за загрузку файлов, формировавших базу данных для всей системы. Кобёрн знал его как осмотрительного, вдумчивого мыслителя, человека, который не даст своего согласия на какой-либо замысел или план, пока не изучит его со всех точек зрения и неспешно и тщательно не продумает все его последствия. Юмор и интуиция не были его сильными сторонами: а вот мозги и терпение – были.

Ралф Булвэр был на добрых пять дюймов выше Поше. Один из двух чернокожих в списке, он обладал круглой физиономией с бегающими глазками и в разговоре стрекотал без умолку. Ралф прослужил пять лет техником в военно-воздушных силах, работая на сложных бортовых компьютерах и радарных системах бомбардировщиков. Проведя в Тегеране всего пять месяцев, он начинал менеджером по подготовке информации и быстро получил повышение до менеджера центра данных. Кобёрн знал и чрезвычайно ценил его. В Тегеране они совместно напивались. Их дети играли вместе, а жены сдружились. Булвэр любил свою семью, друзей, работу, свою жизнь. Он *наслаждался жизнью* больше, нежели кто-либо еще, кого бы мог назвать Кобёрн, с возможным исключением Росса Перо. Булвэр отличался также чрезвычайно независимым образом мышления и никогда не стеснялся дать волю своему языку. Подобно многим успешным чернокожим, он был достаточно уязвимым и ясно давал понять, что не потерпит, чтобы им помыкали. В Тегеране во время праздника Ашура, когда он играл в покер с высокими ставками с Кобёрном и Полом, все заночевали в том доме, как и было договорено ранее, все – за исключением Булвэра. Не было ни спора, ни заявления: Булвэр просто ушел домой. Несколькими днями позже он решил, что выполняемая им работа не оправдывала риск

его безопасности, и поэтому вернулся в Штаты. Ралф не принадлежал к числу тех людей, которые следуют за толпой из стадного чувства. Если ему казалось, что толпа идет в неверном направлении, он покидал ее. У него было наиболее скептическое отношение к групповому собранию в отеле «Хилтон»: если кто-то и собирался поглумиться над замыслом вторжения в тюрьму, так это именно Булвэр.

Меньше всего из всех на наемника походил Гленн Джэксон. Спокойный мужчина в очках, он не обладал военным опытом, но был заядлым охотником и метким стрелком. Он хорошо знал Тегеран, ибо поработал там как на компанию «Белл хеликоптер», так и на «ЭДС». Джэксон представлял собой настолько прямого, откровенного, честного парня, подумал Кобёрн, что было трудно представить его вовлеченным в обман и насилие, связанные с налетом на тюрьму. Джэксон также был баптистом – все прочие исповедовали католическую веру, за исключением Поше, который не признавался, кто он, – а баптисты были знамениты тем, что боролись с Библией, а не с людьми. Кобёрн задавался вопросом, как же справится с этим Джэксон.

Его равным образом тревожил Пэт Скалли. Скалли обладал хорошим военным опытом – он прослужил пять лет в армии, дойдя до инструктора в звании капитана бойцов десантного диверсионно-разведывательного подразделения, но без опыта участия в боевых действиях. Агрессивный и общительный в бизнесе, он был одним из самых блестящих растущих молодых руководящих сотрудников «ЭДС». Подобно Кобёрну, Скалли представлял собой безудержного оптимиста, но, в то время как отношение Кобёрна ко всему было закалено войной, Скалли была присуща наивность молодости. Если дело окажется жарким, задавался вопросом Кобёрн, проявит ли Скалли достаточную жесткость, чтобы справиться с ним?

Из двух мужчин, которые пока что не прибыли, один был наиболее подготовлен для участия в налете на тюрьму, а другой, пожалуй, наименее.

Джим Швибах в военных действиях разбирался лучше, нежели в компьютерах. Пробыв одиннадцать лет в армии, он служил в 5-й группе специальных сил во Вьетнаме, выполняя тот вид работы десантников, на котором специализировался «Бык» Саймонс, – подпольные операции за линией врага, – и заработал даже больше медалей, чем Кобёрн. Поскольку он провел столько лет на военной службе, невзирая на свой тридцатипятилетний возраст, Джим все еще пребывал на нижнем уровне руководящих работников. Он был инженером по системам обучения, когда поехал в Тегеран, но проявил зрелость и ответственность, и во время эвакуации Кобёрн поставил его во главе команды. Ростом всего пять футов шесть дюймов, Швибах держался чрезвычайно прямо, с поднятым подбородком, как это характерно для многих коротышек, и обладал неукротимым бойцовским духом, каковой являет собой единственную защиту самого маленького мальчика в классе. Не имело значения, каков счет, он мог быть 12–0, девятая подача и два аута, Швибах будет на посту, цепляясь за свою позицию и пытаясь прикинуть, как бы еще раз попасть в цель. Кобёрн восхищался им за добровольное участие – из-за принципов высокого патриотизма – в дополнительных поездках во Вьетнам. В бою, думал Кобёрн, Швибах оказался бы последним парнем, которого вы захотели бы взять в плен, – если бы вы стояли перед выбором, вы бы лучше убили этого маленького сукина сына, чем взяли его в плен, он сумел бы натворить еще столько бед.

Однако стервозность Швибаха бросалась в глаза не сразу. Он имел внешность совершенно заурядного человека. В действительности, вы едва ли обратили бы на него внимание. В Тегеране он проживал дальше в южном направлении, чем кто-либо еще, в районе, где не было других американцев, тем не менее он часто бродил по улицам в старой потрёпанной куртке, синих джинсах и вязаной шапочке, и ему никогда не причиняли никакого вреда. Он обладал свойством затеряться в толпе из двух человек – талант, который мог бы пригодиться при налете на тюрьму.

Вторым отсутствующим был Рон Дэвис. В свои тридцать лет он был самым молодым в списке. Сын бедного чернокожего страхового агента, Дэвис быстро поднялся в белом мире кор-

поративной Америки. Немногие люди, которые, подобно ему, начинали в оперативной сфере, сумели перейти в управленческую на клиентской стороне этого бизнеса. Перо был особенно горд Дэвисом: «Достижения карьеры Рона подобны полету на Луну», – имел обыкновение говорить он. За полтора года в Тегеране Дэвис приобрел хорошее знание фарси, работая под руководством Кина Тейлора, не по контракту с Министерством здравоохранения, а на меньшем, отдельном проекте по компьютеризации «Банка Омран», банка шаха. Дэвис был жизнерадостным, беспечным, безудержно сыпавшим шутками, нечто вроде юного издания Ричарда Прайора, но без его сквернословия. Кобёрн считал его самым искренним человеком в списке. Для Дэвиса не составляло труда открыться и поговорить о своих чувствах и личной жизни. По этой причине Кобёрн считал его легко ранимым. С другой стороны, возможно, эта способность честно говорить о себе с другими была признаком огромной внутренней уверенности и силы.

Какова бы ни была правда об эмоциональной устойчивости Дэвиса, физически он был крепок как молоток. У него отсутствовал опыт участия в боевых действиях, но имелся черный пояс по карате. Как-то раз в Тегеране на него напали трое и пытались ограбить, но он в несколько мгновений положил всех налетчиков на лопатки. Подобно способности Швибаха не выделяться, карате Дэвиса представляло собой талант, который мог оказаться полезным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.